

A romantic scene of a man and a woman embracing under a full moon in a forest. The man is shirtless and muscular, looking directly at the camera. The woman is wearing a black top and has her head tilted towards him. The background is a dark, blue-toned forest with a large, bright full moon in the sky.

АЛИНА УГЛИЦКАЯ

ЕДИНСТВЕННАЯ
для Барса

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алина Углицкая
Единственная для Барса
Серия «Резервация Химнесс», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36076353

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-96260-6

Аннотация

Зверь не знает пощады, не ведает чувства жалости. Все, чего он хочет – это месть. Она – его истинная пара и единственная дочь того, кому он поклялся отомстить за смерть своих близких. Жестокий случай столкнул их лоб в лоб, заставил вспыхнуть от страсти. Но разве способен любить тот, в чьем сердце давно живет жажда мести?

Книга входит в цикл "Резервация Химнесс". Каждая книга цикла самостоятельная, но связана с другими местом действия и второстепенными героями.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	63
Глава 6	78
Глава 7	94
Глава 8	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Алина Углицкая

Единственная для Барса

Пролог

– Так, посмотрим, что тут у нас, – Борис Тихомиров придвинул к себе пухлую папку, заполненную фотографиями хрупкой брюнетки в разных ракурсах, и взял в руки одну из них. – Это дочь Андрулеску? И как она тебе?

– Обычная сучка.

Кирилл Стромов небрежно бросил на стол досье, которое только что изучал, пожал плечами и откинулся на спинку кресла. В открытое окно его кабинета врвался шум мегаполиса и городской смог, заставлявший мужчину морщиться всякий раз, когда жаркий июльский ветер доносил неприятный запах к его лицу.

– Наверняка такая же мразь, как и ее папаша, – добавил он, ослабляя галстук на шее.

Его собеседник, сидевший с другой стороны стола, подвинул досье к себе и прочитал вслух:

– Анжелика Румянцева, двадцать пять лет, выпускница МГУ. Хорошенькая, – он глянул на снимки.

– Не в моем вкусе.

Девушке, изображенной на фотографиях, на вид казалось не больше семнадцати – такой хрупкой и тоненькой она была. Длинные ноги, узкие бедра. Почти мальчишка. Кирилл же был любителем женственных форм. Да и красотой особой

она не блистала.

Одно фото было сделано крупным планом и подклеено прямо в досье. Прямые темные волосы, аккуратная челка ниже бровей. Из-под челки серьезно и даже печально смотрят большие серо-зеленые глаза в обрамлении пушистых ресниц. Бледная кожа, немного вздернутый нос, ямочка на подбородке. Нижняя губа чуть больше верхней, что придает лицу по-детски наивный вид.

– Может, и не в твоём, но я бы с ней провел пару приятных мгновений, – усмехнулся Тихомиров.

Кирилл еще раз взглянул на фото.

Да, Борис в чем-то прав. Вроде в девчонке и нет ничего особенного, но в целом черты лица гармоничны, что придает им приятную миловидность. Если немного откормить, то будет вполне ничего.

Только это совсем не важно, красивая она или нет, нравится ему или нет. У него на нее особые планы.

– И совсем на отца не похожа, – продолжал рассуждать Борис, беря из папки другой снимок. На этот раз объектив фотокамеры поймал девушку посреди улицы: она словно оглянулась на чей-то зов. Фотограф запечатлел глубокий взгляд из-за плеча, волосы, взметнувшиеся темной шелковистой волной. – Странно, что он не дал ей свою фамилию.

– Ничего странного. Прячет, – по лицу Кирилла скользнула жесткая усмешка. – Думаешь, я один мечтаю его уничтожить? Слишком многим он перешел дорогу. Еще бы знать,

как ему удалось отправить девчонку на материк.

– Я слышал, у него связи с правительством.

– Даже не удивляюсь.

Борис оторвался от фотографии и внимательно посмотрел на друга.

– Значит, ты так и не бросил эту затею? Кир, Андрулеску не тот, с кем можно играть.

– А кто сказал, что это игра? – усмешка стала злой, отчаянной. В ней сквозила неприкрытая ненависть, которая уже много лет сжигала Стримова изнутри.

– Все равно. Он слишком силен, ты не выступишь в открытой войне против него.

– Я не дурак, чтобы воевать с ним открыто.

– Тогда что ты задумал?

Голубые глаза Кирилла превратились в осколки льда, лицо побледнело, но старый шрам, стянувший правую щеку, наоборот стал лиловым. Тон, которым Кирилл заговорил, заставил Бориса похолодеть.

– Я сделаю с ним то, что он сделал со мной, – произнес Стромов, сминая в кулаке фотографию. – Разрушу все, что он создал. Отниму самое дорогое. Поставлю его на колени. Заставлю валяться у меня в ногах и умолять, чтобы я оставил его жалкую жизнь. А его дочь станет моим оружием.

– Жестоко, – Борис покачал головой, глядя на друга.

– Зато справедливо.

Кирилл резко поднялся и прошел к бару, показывая, что

не намерен обсуждать эту тему.

Старая рана не заживала. Да и как ей зажить, если каждый раз, стоило только ему взглянуть на себя в зеркало, как она давала о себе знать. Безобразный рубец, изуродовавший лицо Кира, был хорошим напоминанием. Он служил ему молчаливым упреком.

Нарочно отвернувшись от стеклянной дверцы, чтобы не видеть своего отражения, Стромов откупорил бутылку коллекционного бурбона и разлил виски по бокалам. Потом вернулся к столу и протянул один бокал Борису.

– Что ж, тогда выпьем за успех предприятия, – Борис поднял свой бокал вверх.

Они чокнулись. Раздался мелодичный звон хрусталя.

– За смерть Андрулеску. – Стромов залпом опрокинул в себя дорогой напиток.

– За прекрасные глаза его дочери, – тихо добавил Борис, делая первый глоток.

Глава 1

Она оказалась даже моложе, чем выглядела на фото. Маленькая, хрупкая, как тростинка, невысокого роста. Кажется, она будет ему по плечо, а может, и ниже.

Сидя за рулем черного Гелендвагена, Кирилл разглядывал девушку, неторопливо идущую по противоположной стороне улицы. Ее темные волосы были убраны в высокий хвост, и кончик хвоста покачивался в такт походке, привлекая внимание к коротким джинсовым шортикам, обтянувшим стройные бедра.

Кирилл невольно засмотрелся на длинные ноги и тут же одернул себя: не время сейчас расслабляться. Да, девчонка на вид вполне симпатична, но не в его вкусе. Вот Борис – он как раз по таким. А ему самому нравится, чтобы у женщины было за что подержаться. Эта же... Он скривился, оценивая ее небольшую грудь, обтянутую голубым топилом. Эта даже бюстгальтер не носит. Видимо, положить в него нечего.

Зазвонил телефон, отрывая от размышлений.

– Да?

Продолжая удерживать девушку взглядом, Кирилл включил громкую связь.

– Объект движется в твою сторону, – прозвучал голос Бориса.

– Вижу.

– Отлично. Значит, я могу быть свободен?

– Валяй.

Отключив телефон, Кирилл бросил его на соседнее кресло и вышел из машины. Яркое солнце заставило его зрачки резко сузиться. Чертыхнувшись, он потер веки, проверяя, на месте ли контактные линзы, потом захлопнул дверцу автомобиля.

Девушка была уже совсем близко, всего в ста шагах, и это расстояние сокращалось с каждой минутой. Она даже не подозревала, что стала объектом чьего-то пристального внимания. Просто разглядывала окружающие строения с выражением наивного восхищения на незагорелом лице.

Губы Стромова изогнулись в тонкой усмешке, полной тайного предвкушения. Месть обещала быть очень сладкой.

Он лениво оторвался от Гелендвагена и сделал первый шаг, не зная, что идет навстречу судьбе.

Она налетела на него случайно. Зазевалась, глядя по сторонам, и споткнулась о выступающий из мостовой камень. Нога подвернулась, и девушка, нелепо взмахнув руками, рухнула на мужчину, который в этот момент оказался рядом.

Ее тут же окутал аромат дорогой туалетной воды с драгоценными нотками сандала и темной амбры.

– Извините! – пискнула Лика, когда теплые руки с большими ладонями сомкнулись вокруг ее талии. От неожиданности она машинально заговорила по-русски. – Я такая неловкая...

Глаза мужчины моментально сузились, он подался вперед к девушке, впиваясь в нее пристальным взглядом. Его ноздри затрепетали, точно он пытался внюхаться в ее запах, в глазах на секунду мелькнул и тут же пропал странный блеск.

Но Лика этого не заметила, только почувствовала, как незнакомец, удержавший ее от встречи с булыжной мостовой, усилил хватку. Девушка ощутила тепло его тела и твердые мышцы, которые не могла скрыть даже одежда. Растерявшись от неожиданности, Лика не сопротивлялась, когда он на секунду уткнулся носом в ее шею и шумно вдохнул. Только вздрогнула, услышав короткий рык.

А потом его руки разомкнулись, отпуская ее.

– Ничего, – раздался над ухом спокойный, глубокий голос с бархатной хрипотцой, говоривший на ее родном языке с легким акцентом. – Не каждый же день на меня падают красивые девушки.

Лика зарделась. Не ожидала встретить на Тайре того, кто знает русский язык. Ее предупредили, что все население острова англоязычно, не считая редких выходцев из Южной Америки. Те принципиально говорили между собой на испанском.

Прибыв сегодня утром и устроившись в отеле, она отпра-

вилась бродить по узким улочкам единственного города, занимавшего ту часть острова, которая не была отдана под военную базу. Завтра ей предстояло явиться к коменданту, но сегодня она решила никуда не торопиться, отдохнуть, поваляться на пляже и поужинать в хорошем кафе. И надо же такому случиться, что первый случайный прохожий, с которым она заговорила, ответил на ее родном языке.

Восстановив равновесие, она подняла голову, чтобы рассмотреть своего спасителя. И обомлела. Ее ладони моментально вспотели, и девушке захотелось прижаться к стеночке, потому что ноги раздумали держать.

Незнакомец оказался очень высоким, выше ее на две головы. Он стоял, чуть наклонив голову вправо, и длинная глянцево-черная рваная челка закрывала половину его лица, придавая загадочный и вместе с тем притягательный вид.

Лица охватила взглядом видимую часть: породистые черты лица, гладко выбритый подбородок, чувственный рот. И непривычно яркие голубые глаза, похожие на два сапфира.

Затаив дыхание, она опустила взгляд ниже. И почувствовала, как быстрее забилося сердце, а в горле моментально пересохло от восхищения.

Расстегнутая на груди ослепительно белая рубашка открывала загорелый торс мужчины. Под гладкой кожей груди четко выделялся мышечный рельеф. Из-под закатанных рукавов виднелись сильные мускулистые руки, одну из них покрывала черная татуировка, напоминавшая кельтский узор.

Черные джинсы облепили длинные ноги, точно вторая кожа. Широкий ремень на бедрах с тяжелой бляхой привлекал взгляд к выпуклости в паху, а начищенные до блеска дорогие туфли завершали ансамбль.

Незнакомец словно сошел с обложки глянцевого журнала для плохих девочек. Он был греховно красив и порочен как демон. Или как падший ангел. От него исходила сдерживаемая мощь, такая сильная, что Лика невольно почувствовала её, как животные чувствуют приближение стихийного бедствия.

Не удержавшись, она судорожно вздохнула.

– Извините еще раз.

Губы незнакомца дрогнули в тонкой полуулыбке.

– Ерунда. Вы не местная? – он тоже окинул ее изучающим взглядом.

– Это так заметно? – она улыбнулась, испытывая неловкость от его близости.

Мимо прошла женщина в белоснежном сарафане, обнажавшем стройные загорелые ноги. И мужчина, только что улыбавшийся Лике, проводил ее взглядом.

Лика так и не поняла, понравилась ли ему незнакомка. Ее дурацкие очки лежали в сумочке, и она не могла рассмотреть выражение его глаз.

Но, впрочем, это было не важно. Она прекрасно понимала, что не красавица, а такие мужчины, как этот, наверняка выбирают в спутницы только самых роскошных женщин.

Например, как та, что прошла мимо них: с полной грудью и крутыми бедрами, зазывно покачивающимися при каждом шаге. Но уж точно не худых, костлявых заучек с факультета ксенопсихологии.

И как-то сразу тоскливо стало...

Отошли на задний план мысли о заслуженном красном дипломе, за который она еще недавно испытывала гордость. Даже направление, благодаря которому Лика попала сюда, больше не грело душу. Захотелось хоть на мгновение стать красивой. Ну, хотя бы отрастить грудь...

Но Лика знала, что ее мечты из области фантастики, и поэтому только молча ссутулилась.

Незнакомец снова посмотрел на нее.

– Вы еще не успели загореть, значит, приехали недавно. Я угадал? – продолжил он прерванный разговор ровным тоном, будто бы ничего не случилось.

А ведь и не случилось же ничего. Разве что Ликина самооценка упала ниже привычного плинтуса.

– Почти, – девушка выдавила слабую улыбку. Нужно было поблагодарить его, попрощаться и идти своей дорогой. Но она не могла. Что-то удерживало на месте, словно этот мужчина околдовал ее, приворожил с первого взгляда. – Я приехала сегодня. Прилетела утренним рейсом. А вы тоже из Восточной Европы? Вы так хорошо говорите по-русски.

– Почти, – он повторил ее слово с легкой усмешкой. Но объяснить ничего не успел.

Порыв теплого ветра взметнул его волосы, обнажая скрытую часть лица. И Лика застыла, не в силах оторвать взгляд от багрового шрама, пересекавшего правую щеку мужчины. Этот шрам начинался где-то под кромкой волос, шел в опасной близости от внешнего уголка глаза и заканчивался возле мочки. И все бы ничего, только выглядел он так, словно в этом месте лицо незнакомца разрубили топором, а потом наспех сшили суровыми нитками, да так и оставили.

Вид у шрама был безобразный. Лика, не умевшая скрывать эмоции, не смогла сдержать невольный возглас. И мужчина моментально изменился в лице. Его улыбка застыла.

– Вы так очарованы моей красотой? – В сознание Лики ворвался голос, полный сарказма.

Она поняла, что уже минут пять пялится на обезображенную щеку. Господи, как неприлично-то... Что он о ней подумает?

– Извините... – заливаясь румянцем, Лика моментально отвела взгляд. А сердце наполнилось сожалением: надо же, красивый мужчина, и вдруг такое уродство. Правильно говорят, нет в жизни совершенства.

– Ничего. Я привык, – он тряхнул головой, возвращая челку на место. – Кстати, пора бы нам уже познакомиться. Кирилл, – и он протянул ей руку.

– Лика, – смущаясь и краснея, она вложила пальчики в его широкую ладонь.

Новый знакомый чуть сжал ее пальцы, и Лика вздрогнула

– то ли от неожиданности, то ли от удовольствия. А он, не сводя с лица девушки пристального взгляда, повернул ее руку ладонью вверх и прикоснулся к запястью губами. Прямо к тому самому месту, где сейчас бешено бился пульс.

Лику бросило в жар. Еще никто, никогда не целовал ей руки, особенно так. Губы Кирилла были потрясающе теплыми, мягкими. Поцелуй – практически невесомым. Она лишь почувствовала, как его дыхание пощекотало ее запястье, и от этого по телу девушки заметались мурашки, а в голове воцарилась блаженная пустота.

Захотелось закрыть глаза и наслаждаться прикосновением этих губ. Когда мужчина так целует тебе руку – чувствуешь себя королевой!

– Вы никуда не спешите? Как насчет того, чтобы продолжить знакомство в другом месте?

Вопрос был неожиданным. Очарование момента тут же рассыпалось, и Лика заволновалась. Все-таки чужая страна, чужой город, и мужчина, которого она знает всего пять минут.

– Я вообще-то изучала город, – девушка высвободила руку из пальцев Кирилла. Тот не стал ей мешать.

– Отлично. Значит, вы не откажетесь выпить со мной по стаканчику мохито? Или мой небольшой недостаток пугает вас?

Он пытливо заглянул ей в глаза, и Лика засомневалась.

– Здесь поблизости есть замечательное кафе, прямо над

морем, – заметил Кирилл, увидев на ее лице внутреннюю борьбу. – Идемте, вам понравится.

Улыбаясь краешком губ, он снова взял ее за руку. И Лика поняла, что не может сопротивляться той внутренней силе, которая толкает ее вслед за ним.

Они пересекли улицу, обмениваясь ничего не значащими фразами. Лика отметила, что Кирилл нарочно взял ее за правую руку, чтобы не так бросался в глаза его шрам. И вдруг почувствовала всплеск неприличного любопытства. Воображение рисовало красочные картины, как этот великолепный мужчина мог получить такое увечье, но где-то в глубине души девушка понимала, что ни одно из ее предположений не соответствует действительности. А спросить у него самого воспитание не позволяло.

– Прошу! – Кирилл подвел ее к роскошному Гелендвагену, припаркованному на обочине. Внедорожник сверкал на солнце, как новенькая монетка. И Лика, уже в который раз за последние десять минут, почувствовала себя Золушкой, случайно попавшей на бал.

– Это... ваша машина? – восхищенно выдохнула она.

– Да. Сейчас слишком жарко и душно, чтобы гулять пешком. А мой конь домчит до «Плезира» за пять минут. Это кафе, – он усмехнулся, заметив недоумение, скользнувшее по ее лицу. – Садитесь.

Но Лика колебалась, глядя на приветливо распахнутую дверцу машины. Что-то внутри нее тихо шептало, что этот

мужчина не так-то прост, как кажется с первого взгляда. Слишком все идеально. Так не бывает. Не в ее случае. Вот если бы у нее была грудь третьего размера и роскошная задница, она бы еще поняла, зачем этот шикарный мужчина приглашает ее прокатиться...

– Не бойтесь, – он заметил ее неуверенность, – я не ма-
ньяк.

От него исходили волны уверенности и силы, присущие людям, обладающим властью. А еще, несмотря на то, что он улыбался, его взгляд оставался прохладным. Во всем этом Лика чувствовала странную дисгармонию, которая настораживала ее и сбивала с толку.

– Знаете, я вообще-то не из тех, кто садится в машины к незнакомым мужчинам...

Покачив головой, девушка сделала шаг назад. Береженного бог бережет. Мало ли...

Ее новый знакомый ни словом, ни жестом не выдал своих эмоций.

– Хорошо, – он захлопнул дверцу автомобиля. – Тогда мы пройдемся пешком.

Они побрели неспешным шагом вдоль улицы, и на этот раз он не пытался взять ее за руку. Лика недоумевала, неужели она ему и в самом деле понравилась? Да нет, быть такого не может.

– Так откуда вы знаете русский язык? – спросила она, потому что молчание стало затягиваться.

– Мой отец чистокровный россиянин. Москвич в седьмом поколении.

– Ого, – Лика с уважением взглянула на спутника. К сожалению, о своем отце она знала гораздо меньше. – А как же вы оказались здесь?

– По долгу службы, – ответ был довольно лаконичным. – А вы? Что здесь делает такая молоденькая девушка, да еще одна? Я же угадал, вы приехали без сопровождения?

– Вообще-то мне уже двадцать пять, – Лика пожалала плечами. Ее часто принимали за подростка из-за худобы. Кто-то из знакомых однажды в шутку сказал, что она мечта педофила. И эти слова оскорбили Лику до глубины души. – Имею право путешествовать в одиночку.

– И как же вас сюда занесло?

– Как и вас, – она улыбнулась, – по долгу службы.

– М-м-м... Это становится интересным.

– Я ксенопсихолог. В этом году закончила магистратуру, и вот, меня пригласили работать на Тайру.

Она произнесла это, не скрывая гордости. Все-таки со всего курса так повезло ей одной, хотя конкурентов на это место было хоть отбавляй.

Лика вспомнила, как ее вызвали к ректору, уже после того, как были сданы все сессии. Вспомнила, как, смущаясь и недоумевая, пришла к нему в кабинет. Олег Яковлевич сидел за столом, когда она вошла, и держал в руках ее дипломную работу. Это заставило Лику покрыться холодным потом:

неужели что-то не так, неужели она что-то напутала?

– Проходите, Румянцева, присаживайтесь, – ректор кивнул на кожаный диванчик с другой стороны стола. – Это ваша работа?

Сглотнув слюну, Лика кивнула.

– Почему вы выбрали своей темой веров?

– Ну... – черт, Лика, возьми себя в руки, не мямли, как дура! – Они довольно интересный объект для изучения поведенческих реакций. Исследования в этом направлении почти не проводились.

– А вы, кажется, подали документы на поступление в аспирантуру?

– Да.

– Над чем работаете?

– Генетика поведения.

– Что ж, весьма похвально. – Он захлопнул папку с ее работой, откинулся на спинку кресла и сложил пальцы в замок. А потом вдруг спросил: – Что вы скажете насчет изучения веров в полевых условиях?

– Что?! – Такая удача ей даже не снилась. – Но это невозможно! Веры живут в резервациях и весьма не жалуют чужаков. Особенно в белых халатах.

Он окинул ее снисходительным взглядом.

– Что вы слышали о таком месте, как Тайра?

– Это военная база.

– Точно. Она находится в непосредственной близости от

резервации Химнесс. Название вам ни о чем не говорит?

Ли́ка призадумалась.

– Кажется, пару месяцев назад там разразился громкий скандал.

– Да, едва не погибла журналистка. Но было и еще кое-что. Один из веров подписал соглашение с научной комиссией и теперь обитает на Тайре. Так сказать, добровольный объект изучения. А два дня назад с Тайры пришел запрос на ксенопсихолога. Я предоставил им список специалистов, но они выбрали вас.

Разговор с ректором пролетел в голове Ли́ки за считанные мгновения. Как давно это было? Месяц назад? А уже завтра ей нужно явиться в расположение части и предоставить свой пропуск коменданту военной базы. Кажется, его зовут Ди Джой Адамс. Какое странное имя...

– Наверняка вы были лучшей студенткой, если вам выпала честь работать на Тайре, – в мысли девушки ворвался голос Кирилла, возвращая ее в реальность. – И чем же вы будете здесь заниматься?

– Изучать веров.

– Ну, надо же, какая приятная неожиданность.

Она настороженно взглянула на него. Но нет, молодой человек не улыбался, его взгляд был непроницаем. Так почему же ей почудилось, будто в его словах промелькнула издевка? Неужели голову напекло?

– Почему приятная?

– Потому что вер на базе пока один, но я с ним давно знаком.

Глава 2

Ли́ка никогда не считала себя мнительной особой, но сидя за столиком в кафе «Плезир» и потягивая через соломинку прохладный мохито, она уже в тысячный раз задавала себе один и тот же вопрос.

Сколько шансов, что приехав на остров, затерянный в Атлантическом океане, она в первый же день встретит земляка? Причем, не просто встретит, а буквально свалится в его заботливо подставленные руки.

Ли́ке не давало покоя странное ощущение.

Этот мужчина...

Он появился так неожиданно. Из ниоткуда. А теперь сидит напротив нее, откинувшись на спинку плетеного кресла и закинув ногу на ногу. Лениво стряхивает пепел в фарфоровую пепельницу, подставленную угодливым официантом. Но от всей его вроде бы вальяжной и расслабленной позы веет опасностью. Точно и не человек он вовсе, а хищный зверь. Сытый, довольный, развалившийся на солнышке, но готовый в любой момент вскочить и вцепиться в горло врагу.

В его глазах застыла спокойная синева горных вершин. Слишком спокойная. Непроницаемая. Невозможно догадаться, что за мысли скрываются в его голове.

Взгляд Кирилла оставался прохладным, даже когда он

улыбался, причем улыбка тоже была весьма своеобразной – только краешком рта.

За соседними столиками сидели дамы и господа. По иному Лика их назвать не могла. Язык бы не повернулся.

Женщины в выходных платьях и шляпках с широкими полями, увешанные золотом и драгоценными камнями, как рождественские елки. Мужчины в дорогих туфлях, с дорогими часами, в костюмах «от кутюр». Рядом с ними Лика чувствовала себя гадким утенком в своих джинсовых шортиках и ярко-голубом топики, открывавшем краешек незагорелого живота.

Да и мужчина, пригласивший ее сюда, был далеко не ее круга. Принц, случайно столкнувшийся с замарашкой и пригласивший ее на бал. Ради приличия? Или чтобы посмеяться над ней?

Лика боялась, что ответ ей совсем не понравится.

Подошел официант, поставил перед Ликой креманку с мороженым. Девушка удивленно уставилась на белоснежное чудо, политое фисташковой пастой и украшенное дольками экзотических фруктов.

– Вам не говорили, что у вас очень милое лицо? – усмехнулся Кирилл, ловя ее недоуменный взгляд. – Особенно, когда вы удивляетесь.

– Я не заказывала мороженое, – Лика отодвинула креманку. – Боюсь, цены в этом кафе мне не по карману.

– Бросьте, – мужчина поморщился, – если я вас сюда при-

гласил, значит, я угощаю.

– Интересно, зачем? – она подняла на него внимательный взгляд.

– Разве я не могу пригласить в кафе понравившуюся мне девушку?

Она опять засмотрелась на него и пропустила последнюю фразу мимо ушей.

Кирилл словно нарочно выбрал столик в углу, и теперь тень, падавшая от мраморной колонны, скрывала его лицо. Но даже если бы не скрывала, расстояния между ними было достаточно, чтобы Лика со своим «минус три» не смогла прочитать его выражение. А подслеповато щуриться ей гордость не позволяла.

Хотя, конечно, можно было достать очки...

Лика представила, как просит Кирилла подождать пару секунд. Потом копается в сумочке, отыскивая очки, водружает их на нос и, старчески покряхтывая, говорит: «Так, посмотрим, что тут у нас...»

Нарисованная картина заставила ее приснуть в кулак.

– Я сказал что-то смешное?

– Нет, что вы. Просто подумала о своём.

– Даже так? – он прищурился, и Лике показалось, будто в его глазах мелькнул странный огонь. – Интересно, и о чем же вы думали, так пристально разглядывая меня?

Она смутилась.

– Извините, не хотела глазеть на вас.

– Я привык, – он равнодушно пожал плечами. – Кстати, вы завтра свободны? Я бы с удовольствием показал вам местные развлечения.

Лика задумалась, ковыряя ложкой мороженое. С одной стороны – что ей терять? Не в лес же он ее приглашает. Они будут в городе, на виду, да и не создает он впечатление психопата. Но с другой...

– Завтра у меня первый рабочий день. А я еще не устроилась...

– И где вы остановились? В отеле?

– Да, но это только на один день. Я должна была прилететь завтра и явиться сразу к коменданту базы. Но решила устроить себе день отпуска. На базе для меня забронировано жилье.

– Тогда мне просто повезло, что я с вами столкнулся. А знаете, что? – он подался вперед. – Оставьте мне свой телефон.

– Зачем?

Дурацкий вопрос.

Кирилл улыбнулся краешком рта, и Лика поняла, что сморозила глупость.

– У вас здесь есть родственники? Друзья? Знакомые? – он подождал, пока она отрицательно мотнет головой. – Одинокой девушке всегда нужен кто-то, кто поможет ей в непредвиденных ситуациях. Так пусть для вас таким человеком буду я.

Лика все-таки дала ему свой номер, хотя и не надеялась на звонок, да и вообще чувствовала себя глупо. Понимала, что они из разных вселенных, и вряд ли она всерьёз могла заинтересовать такого мужчину, как он.

Смущенная его пристальным взглядом, засобиравлась. Со-слалась на усталость после перелета и трудный день. Кирилл вроде поверил, и даже предложил подвезти до отеля, но она опять отказалась. Садиться к нему в машину казалось ещё большей глупостью, чем дать телефон.

Но когда он, не спрашивая, вызвал такси и сунул шофёру банкноту, она не стала сопротивляться. Слишком устала. Солнце Тайры с непривычки давило на плечи, воздух казался тяжелым и душным, несмотря на близость океана. Да и смена часовых поясов давала о себе знать.

Когда Кирилл захлопнул за ней дверцу такси, Лика откинула голову на спинку сиденья и прикрыла глаза. Она не видела, как лицо мужчины, только что мило улыбавшегося ей, превратилось в бесстрастную маску. Как холодно сверкнул его взгляд.

Глядя вслед удалявшемуся такси, Кирилл Стромов достал телефон и коротко отчеканил:

– В восемь вечера. У меня.

Вернувшись в отель, Лика первым делом приняла душ. А потом, как была в полотенце, так и примостилась со стаканом апельсинового фрэша на небольшой терраске, выходящей во внутренний дворик. Нужно было достать ноутбук, проверить почту... Но мысли о Кире и о том, что случилось, не выходили из головы. Особенно не давала покоя одна. Назойливая такая. Она вворачивалась в мозг раскаленным винтом.

Ну что такой мужчина, как Кир, нашёл в такой замухрышке, как Лика?

Да, в глубине души она тайно называла его этим именем, хотя они так и не перешли на "ты".

Не выдержав, Лика вернулась в комнату и встала напротив зеркала. Оно было достаточно большим, чтобы она увидела себя в нем от макушки до самых пяток. Немного поколебавшись, девушка скинула полотенце.

Зеркальная поверхность бесстрастно отразила её тоненькую фигуру девочки-подростка. Узенькие плечики, выступающие ключицы. Грудь, с трудом дотягивающую до первого размера...

Лика поморщилась, глядя на свою грудь в зеркало. Соски ей тоже не нравились. Бледно-розовые, крошечные, как вишневые косточки, почти без ареол. Не грудь, а насмешка.

Девушка опустила взгляд ниже. Чем она могла гордиться,

так это талией, которую можно было обхватить двумя ладонями. Но в сочетании с узкими бедрами и плоской попой эта гордость казалась весьма сомнительной.

Повернувшись спиной к зеркалу, Лика критически глянула на свой зад. Да уж, на такое вряд ли кто-то позарится...

Расстроенная осмотром, она окончательно убедилась, что Кир вряд ли позвонит, а номер взял чисто из вежливости.

Приказав себе забыть о случайном знакомом, Лика вернулась к насущным делам. Накинула халатик, достала ноут, проверила электронную почту. Там уже было несколько писем. Часть, как всегда, реклама, и девушка, не колеблясь, отправила её в спам.

Ещё одно письмо было от человека, чьих посланий она принципиально читать не хотела.

Отец.

Её передернуло при мысли о нём.

Когда Лика была маленькой, мать врала, что он умер. Только в семнадцать лет девушка узнала, что ее отец жив и здоров. Просто все эти годы ему было абсолютно плевать на существование дочери. И вот, едва матери не стало, он объявился. Начал присылать подарки к праздникам, деньги, писать письма. Подарки Лика отдавала подругам, не разворачивая, хотя там всегда оказывалась очередная ценная безделушка, от которой девчонки визжали в восторге. Деньги отдавала в приют для животных, или как милостыню первому нищему, протянувшему руку. Считала, что так восстанавли-

вает справедливость. А письма отправляла в корзину.

Не было ни малейшего желания читать то, что мог написать ей человек, называвший себя её отцом.

Лика не могла его ни понять, ни простить, и уж тем более не желала общаться. Все эти годы ей было безразлично, кто он, как зовут и зачем он ей пишет.

Вот и сейчас, раздражённо закусив губу, она отправила его очередное письмо в корзину.

Запиликал мобильник, оставленный на кровати.

Лика вздрогнула: кто мог звонить?

На экране высветился незнакомый номер.

Поколебавшись, девушка подняла трубку:

– Алло?..

Это был Кир.

Услышав его голос, она поняла, что рада. Рада, что он позвонил. Что отвлёк от предательских мыслей. Пусть хоть на пару минут, но она сможет забыть об отце, о том, как раздражает иностранная речь, доносящаяся сквозь открытые окна. О том, что рядом нет никого, кто бы мог поддержать...

И на секунду почудилось, будто этот случайный знакомый – именно тот, кто ей нужен. Рыцарь в сверкающих латах.

– Что-то случилось? – Он словно почувствовал, что с ней что-то не так. – Ты чем-то расстроена.

Это был не вопрос – утверждение.

И Лика, охваченная странным волнением, выложила все, как на духу.

Про отца. Про то, что бросил их с матерью. Про его назойливое внимание. Про то, что не может простить за то, что он сделал. И про то, что последние месяцы он начал буквально заваривать её письмами.

Кир выслушал молча, не перебивая. Дал высказаться. Потом глухо спросил:

– Ты его ненавидишь?

– Нет, – Лика не испытывала ненависти. – Сначала обижалась, пыталась понять, почему он так поступил. А теперь уже все равно.

– Но простить ты его не можешь.

Он снова угадал её чувства.

– Если бы он не отказался от нас, если бы был рядом...

– Лика запнулась, чувствуя, как внутри клокочет обида. – Может быть, моя мама не умерла бы так нелепо...

Повисло молчание.

Лика прикрыла трубку рукой и поспешно сделала глоток сока. Нужно было успокоиться, взять себя в руки. Она взрослая и привыкла сама справляться со всем.

Справится и с этим.

– Я думаю, тебе стоит прочитать его письмо, – заговорил Кир после недолгой паузы. – Даже если ты не хочешь общаться с ним, просто узнай, что ему нужно.

– Зачем? – она задала закономерный вопрос.

– Если он так настойчив, возможно, там что-то важное.

Лика невольно взглянула на экран ноута. Там мигало но-

вое входящее сообщение.

Опять от отца.

Девушка протянула руку, собираясь удалить письмо, но последние слова Кира вселили в неё неуверенность. Возможно, в чем-то он прав...

– Я подумаю, – пробормотала она и закрыла ноут.

– Кстати, не спросишь, почему я позвонил?

Странно, только сейчас Лика заметила, что они обращаются друг к другу на "ты". И это произошло так легко и непринужденно, будто они знакомы уже тысячу лет.

– Почему?

– Во сколько тебе нужно быть в части?

– К семи...

– Будь готова в половину седьмого.

– Зачем?

– Подвезу, – в его голосе снова мелькнула насмешка, но на этот раз не обидная, а снисходительная. Словно он говорил с несмышленным ребёнком.

И Лика не стала сопротивляться.

Попрощавшись, она снова села за ноут. Несколько минут смотрела в экран, не решаясь открыть злополучное письмо. Потом все же отважилась.

Глава 3

Когда Борис пришёл к Стромову, на улице уже царили вечерние сумерки. Здесь, в южной части Атлантики, солнце садилось быстро, и день почти за минуты превращался в глубокую ночь.

Войдя в гостиную, Борис моментально уловил резкий запах спиртного. Его человеческого зрения было недостаточно, чтобы разглядеть Кира, сидевшего в темноте.

Борис зашарил рукой по стене, ища выключатель. Гостиную озарил яркий свет.

– Мля! – злобный возглас Стромова раздался из дальнего угла помещения. – Выруби эту хрень!

Борис нажал выключатель. Но тех мгновений, пока горел свет, ему оказалось достаточно, чтобы увидеть главное.

Кир сидел, развалившись на кожаном диванчике, в дальнем углу гостиной. Помятый, всклокоченный, с блуждающим взглядом и опухшим лицом. Рядом валялись пустые бутылки из-под «Портера», ещё одну Стромов как раз приложил к губам, делая новый глоток.

– Что происходит? – Оставив выключатель, Тихомиров на ощупь прошёл к столу и включил небольшой торшер. Теперь, по крайней мере, он мог разглядеть перекошенное гримасой лицо друга.

Очень пьяного друга.

– По какому поводу пьянка?

– Забей, – Стромов сделал ещё глоток. – К делу это не относится. Ты принёс, что я просил?

– Да, вот последний отчёт.

Борис протянул чёрную папку, не забыв окинуть Кира осуждающим взглядом.

Тот поболтал в руке пустую бутылку, заглянул внутрь и небрежным броском отправил её под диван, где лежало уже штук десять её собратьев.

Потом махнул рукой Тихомирову:

– Сам расскажи. Только коротко.

– Ну, если коротко, – Борис присел на соседнее кресло. – У нас на руках уже сорок процентов акций Химнесса. Все куплены через подставных лиц, так что тебя никто не заподозрит. Но Андрулеску зашевелился.

– Чует, старый ублюдок, что под него копают, – губы Стромова растянулись в жестокой усмешке.

– Да, он начал что-то подозревать. Но даже если и выйдет на нас, твое имя ему ни о чем не скажет.

– А я бы хотел, чтоб сказало.

– Рано ещё.

– Рано. Надо дожждаться, пока в наших руках окажется контрольный пакет акций.

– И что будет, когда это произойдёт?

– Увидишь, – усмехнувшись, Стромов нашарил у ног

непочатую бутылку. – Тебе понравится.

Борис с минуту наблюдал, как тот откупорил пробку и, приложившись к горлышку, начал жадно глотать темную шипучую жидкость. Потом произнёс:

– Кир, давай на чистоту. Я твой друг. Я хочу помочь. Что ты скрываешь?

– Ты о чем? – Стромов ответил невинным взглядом.

– Не придуривайся. Я вижу: что-то случилось. И дело не в Андрулеску, не в акциях и не в твоих планах... – внезапно его осенило. – Дело в этой девчонке, ведь так? Ты с ней сегодня встречался...

Стоило только Борису вспомнить о Лике, как Стромову словно сорвало стоп-кран.

С утробным рычанием он вскочил на ноги и запустил бутылкой в сторону друга. Стекланный снаряд пронёсся через всю комнату, заставив Бориса отпрянуть, разбился о стену и осыпался вниз стеклянным дождём.

– Помочь? – прорычал Кир, сжимая кулаки. В его глазах, налитых кровью, вспыхнула ярость. – Ты хочешь помочь? И чем же, скажи на милость?

Процедив пару ругательств, он рухнул назад на диван.

Борис пару секунд смотрел на него, потом молча прошёл к бару, взял бутылку обычной воды и налил в стакан. Все так же молча вернулся к дивану. Сунул стакан в руки Стромова.

– На вот, выпей и не ори. Говори, что случилось.

Тот послушно сделал пару глотков. Всплеск ярости исчез

так же быстро, как и возник, оставив после себя сосущую пустоту. И в тишине гостиной прозвучал пьяный смех Стромова, полный горечи:

– Ты серьезно уверен, что сможешь помочь?

Борис подошёл ближе. Опустил руки на плечи друга и заставил того поднять голову. Потом тихо заговорил, выделяя каждое слово:

– Мне было десять лет, когда мой отец привёл тебя в дом и сказал, что теперь ты мой названный брат. Ты был старше на год, но выглядел в два раза младше. Испуганный мальчишка с затравленным взглядом и изуродованным лицом. Ты боялся людей, боялся света, прятался по тёмным углам. Кричал по ночам. Шарахался от каждого звука. Я обещал о тебе позаботиться. А через пять лет мы скрепили наше братство кровью, помнишь? У меня на руке до сих пор шрам.

Он повернул левую руку ладонью вверх. На загорелой коже запястья белел тонкий рубец.

– Помню, – хмыкнул Кир, глядя на шрам, – как у тебя кровища хлестала, и рана долго заживать не хотела. А на мне все за пять минут заросло.

– Потому что ты вер.

– Потому что я вер, – повторил Кир, как заведенный. – А ты человек.

– Я твой брат. И я всегда буду на твоей стороне, что бы ты ни затеял. Знаешь почему?

– Почему?

– Потому что так поступают братья. – Борис замолк на секунду, а потом, хлопнув Стромова по плечам, совсем другим голосом произнёс: – Так что хватит этих бабских истерик, давай выкладывай, что там случилось.

Кир медленно снял с плеч руки друга. Встал, пошатываясь, и с досадой чувствуя, как быстро выветривается хмель. Теперь он возвышался над Тихомировым на целую голову.

– Я столько лет пытался стать человеком, – начал Стромов, поморщившись. – Но ты верно заметил: я – вер. Это моя сущность и моё проклятье, и сегодня я это понял, как никогда.

Пошарив в кармане, он достал смятую салфетку, ту самую, на которой дочь Андрулеску записала свой телефон, и поднес её к носу. Шумно втянул в себя запах бумаги.

Она все ещё хранила чувственный аромат девушки, тербившей её в руках.

Пива, пусть и крепкого, оказалось совсем не достаточно, чтобы его заглушить.

Её запах.

Запах истинной пары, ставший одновременно и приговором, и палачом.

В тот же миг зрачки Стромова резко сузились, превращаясь в два тонких серпика. А внутри, глубоко в подсознании, заворочался Зверь, напоминая о своем существовании.

– Чёрт, только не говори, что я правильно понял... – прошептал Борис, изумленно глядя на друга.

– Если бы я мог это предугадать, – Кир невесело усмехнулся, – если бы мог изменить...

Стиснув в кулаке измочаленную салфетку, он с шумом втянул её запах.

– И... что теперь? Ты все отменишь?

– Нет! – в глазах Кира блеснула сталь. – Я столько лет шёл к этому. Ничто не помешает мне насладиться местью.

В словах Кирилла было столько холода, что Борис не стал спорить.

Пожав плечами, он принес из бара бутылку виски. Ни слова не говоря, разлил по стаканам и один протянул Кириллу. Тот залпом опрокинул в себя адскую смесь, и она скользнула внутрь жидким огнём, обжигая гортань.

– У тебя глаза изменились, ты знаешь? – произнёс Тихомиров, вглядываясь в лицо друга.

Стромов кивнул.

– Понял уже. Хорошо, что я никогда не выхожу из дома без линз. Иначе бы меня уже пристрелил какой-нибудь верофоб.

– Здесь, на Тайре, тебе нужно быть вдвойне осторожным. А теперь и втройне. Или наш план полетит к чертям.

Мрачно усмехнувшись, Кирилл налил себе ещё одну порцию виски.

– За это не переживай.

Финансовый отчёт за последние полгода уже лежал на столе, когда Антуан вернулся домой.

Хмурый и недовольный, глава Химнесса мрачной тенью прошёл мимо притихших слуг и, приказав никого не впускать, закрылся в своем кабинете.

Первым делом проверил почту. Но Лика так и не открыла письмо. Ни одно, ни второе, ни третье. Ни сотни тех, что он присылал ей раньше.

Такая же упертая, как её мать, чёрт бы побрал эту бабу! Спрашивается, чего ей не хватает?

Антуан не скупился в средствах, надеясь наладить контакт с дочерью, которую когда-то так опрометчиво выслал из Химнесса. Теперь он убеждал себя в том, что так было лучше. Для Лики. Но внутренний голос коварно нашептывал: нет, он сделал это исключительно ради себя.

Все дети веров, родившиеся от человеческих женщин, несли в себе так называемый альфа-ген. Тот самый, который был искусственно внедрен в первое поколение. В младенчестве этот ген спал, и ребёнок до трёх лет ничем не отличался от человеческого малыша. Но стоило пересечь рубеж в три года, как все менялось. Альфа-ген просыпался. А вместе с ним и внутренний Зверь.

А у Лики альфа-ген не проснулся.

Из всех детей, рожденных в Химнессе, только она – дочь главы – оказалась ущербной. Это был удар ниже пояса. По

самолюбию, по репутации Антуана. Он даже засомневался, его ли это дочь? Он не любил женщину, которая ее родила – так, испытывал небольшую привязанность. На большее его эгоизм был не способен. И потому он без малейших упреков совести отправил её с ребенком на материк.

С глаз долой.

И постарался о них забыть.

Правда, спустя семнадцать лет, уже перед смертью, Анна прислала ему результаты генетического анализа. Только тогда он поверил, что Лика все-таки его дочь. Да, самый сильный вер Химнесса оказался с небольшим браком: не смог передать своему единственному ребенку альфа-ген.

И вот теперь он пытался наладить с Ликой контакт. Незримо следил, опекал, помог устроиться в МГУ, подкупив нужных людей, помог получить пропуск на Тайру, желая, чтобы дочь была поближе к нему.

Лика об этом не знала, иначе бы вряд ли приехала. От денег и подарков она отказывалась, письма не открывала... Видимо, не могла простить. Но Антуан не был бы главой резервации, если бы не умел добиваться желаемого. Вот и сейчас он сделал все, чтобы дочь оказалась в нужном месте и в нужное время. Осталось только сломить ее глупое упрямство.

– Вот же, настырная девчонка, – процедил Антуан сквозь зубы. – Давай же! Открой хоть одно письмо!

Но Лика не торопилась.

Выругавшись, он плеснул в бокал немного любимого ко-

ньяка и рухнул в кресло.

Все, надо переключаться на другие проблемы.

С материка уже давно приходили тревожные вести. Кто-то примерно с полгода назад начал скупать акции "Химнесс Медикал Корпорейшн" – компании, которая являлась собственностью Химнесса и приносила жителям резервации стабильный доход. Финансовый директор уже не раз бил тревогу. Все данные указывали на то, что кто-то целенаправленно копает под Химнесс. Но прямых доказательств не было. И только сегодня Антуан наконец-то получил полный отчёт, развеявший последние сомнения.

Андрулеску нажал кнопку селектора:

– Алекс, зайди ко мне.

Новый приор, Алекс Крушевич, занявший место Каховского, вошёл через две минуты. Антуан жестом пригласил его сесть и указал на отчёт.

– Глянь. Что ты об этом думаешь?

Алекс прочитал пару страниц, потом поднял на главу внимательный взгляд.

– Мастер, кто-то объявил нам войну.

– Ты должен выяснить – кто. И как можно быстрее.

Оставшись один, Антуан вернулся к компьютеру. С бокалом коньяка в одной руке и дымящейся сигарой в другой. На душе скребли кошки, но глава Химнесса не привык сомневаться или, не дай бог, страдать от упреков совести. Он всегда видел цель и выбирал кратчайший путь к этой цели. Если

нужно – шел по головам, и ему было абсолютно плевать, чьи это головы. Главное – результат.

Он как раз делал глоток, когда пиликнуло системное сообщение. Еще не веря в удачу, Андрулеску склонился над экраном. Но глаза его не обманывали, и ошибки быть не могло.

Ли́ка открыла письмо!

А вместе с ним впустила в систему особый вирус – любимую разработку спецслужб.

Губы Андрулеску растянулись в довольной усмешке. Ну, наконец-то! За это можно и выпить.

На экране компьютера перед ним появилось лицо дочери: сосредоточенное, с хмуро насупленными бровками, между которыми залегла тоненькая морщинка. Ли́ка напряженно вчитывалась в строчки письма, не замечая, что заработала вебкамера, а за ее плечами через большое окно отельного номера светила луна.

В груди что-то ёкнуло: так похожа на мать! Но Антуан тут же задавил в себе лишние сантименты. Ее мать была для него никто, просто одна из тех десятков женщин, что вереницей прошли через его постель. Но Ли́ка – совсем другое. Она его дочь, и как бы там ни было, но часть его крови находится в ней.

Если бы она только знала, чего ему стоило выбить для нее пропуск на Тайру! Исполнить ее голубую мечту – увидеть живого вера, принять участие в изучении этих существ.

Словно сама судьба благоволила ему, направляя девочку в нужное русло. Даже факультет ксенопсихологии она выбрала не случайно. Подсознательно она понимала, что не такая как все.

Не отрывая пристального взгляда от лица дочери, Андрулеску набрал номер Генри Неймана.

– Наша договоренность в силе?

– Да, мастер.

– Тогда жду завтра первый отчет.

Тонкая усмешка изогнула губы главы Химнесса.

Какая ирония – Лика даже не подозревает, что с завтрашнего дня ее саму начнут изучать.

Разумеется, тайно.

Генри Нейман, ее будущий научный руководитель – отличный генетик, один из лучших, и если уж он не сможет понять, что с ней не так, и разбудить спящий ген – то не сможет никто.

Глава 4

Кир так и не смог заснуть, несмотря на количество выпитого алкоголя. Он всю ночь проворочался на диване в гостиной, даже раздеваться не стал. Только скинул туфли, и то после того, как Борис пригрозил стащить их собственноручно.

Впервые в жизни женщина настолько завладела его мыслями. И какая женщина! Девчонка, на которую в другой ситуации он бы даже не глянул!

Кир понимал, что попал в ловушку, выхода из которой нет.

Дочь его врага – его пара.

Это вердикт, который невозможно оспорить. Закон природы, которому подчиняются такие, как он. Можно биться головой о стенку сколько угодно – это ничего не изменит. Внутренний Зверь, спавший до этой поры, пробудился. Теперь его сила будет только расти, и Кир уже чувствовал, как он ворочается внутри, пробуя стенки своей темницы на крепость.

Все эти годы Кирилл был уверен, что хорошо защитил себя от подобных проколов. Что всегда, в любой ситуации его разум окажется сильнее инстинктов. Но вчера, унюхав в девчонке пару, он едва не сорвался. И это при том, что приемный отец годами учил его скрывать истинную сущность.

Только так можно было выжить среди людей. И если бы не это, то не известно, чем бы закончилась первая встреча с дочерью Андрулеску.

Кир помнил, как неторопливо шел ей навстречу, прокручивая в голове первую фразу, которую собирался сказать. Что-то банальное, типа: «как пройти в библиотеку» или что-нибудь в том же духе. Это казалось смешным и нелепым, но вполне достаточным, чтобы завязать разговор. Но когда девочка, засмотревшись на что-то, сама налетела на него, едва не сбив с ног, он среагировать не успел.

Среагировал его Зверь.

В одно мгновение разум отключился от управления телом, предоставив волю инстинктам. Кир словно со стороны наблюдал, как его руки сомкнулись на талии девушки, как нос уткнулся ей в шею, шумно втягивая аромат ее кожи. И в тот же момент вспыхнуло желание сжать сильнее и не отпускать. Все мысли исчезли, осталась только одна: «МОЯ!». Она застучала в висках набатом, заставила покачнуться мир перед глазами, ударила в голову, точно молодое вино, стекла по позвоночнику вниз и угнездилась в паху сладкой пульсацией. В тот момент Кир понял смысл этого термина – «пара». Не что-то отдельное – часть. Часть его плоти и крови, женщина, которую до зубовного скрежета хочешь сделать своей.

А она?

Она даже не поняла, что случилось.

Он успел взять себя в руки до того, как она испугалась, а

контактные линзы скрыли изменение глаз. Как удачно, что у второго поколения веров зрачки изменялись только в момент, когда просыпались инстинкты.

И у нее они не изменились.

Этот момент всю ночь не давал Киру покоя.

Контактные линзы? Возможно.

Но было еще кое-что.

Кир инстинктивно почувствовал, что Лика старалась держать между ними дистанцию. Да, его внешность ее впечатлила. Он видел восторженное восхищение, вспыхнувшее в ее глазах, как только она глянула на него. И жалость, на секунду мелькнувшую во взгляде, когда она увидела шрам. Обычно он действовал на женщин по-разному: у кого-то вызывал отвращение, у кого-то – болезненное влечение. Но жалость...?!

Вряд ли Кирилл Стромов был тем мужчиной, которого женщине хотелось бы пожалеть.

Но в отличие от других, эта не проявила ни малейшего желания познакомиться ближе. Пришлось буквально навязывать ей свое общество, опасаясь, что она убежит.

Кто бы знал, чего ему это стоило! Старательно растягивать губы в улыбке, сохранять спокойствие, говорить о какой-то ерунде, в то время как все инстинкты вопили: «возьми ее!», пульс набатом стучал в висках, затмевая разум, а ненависть к ее отцу бурлила в крови огненной лавой и требовала выбросить эти мысли из головы.

Даже сейчас он не знал, чего ему хочется больше: оторвать

ей голову или впиться в нежные губы жадным поцелуем.

Черт бы побрал эту девчонку!

Злой на себя, на нее, на весь мир, Стромов подорвался с дивана, едва забрезжил рассвет. Заперся в ванной. Надо было привести мысли в порядок и немного остыть перед новой встречей с неизбежным.

Через минуту в дверь постучали.

– Ты как там? – услышал он голос Бориса.

– Отлично.

Это была чистая ложь.

Сжав пластиковый бортик ванны так, что мышцы на руках вздулись узлами, он засунул голову под струю холодной воды.

– Чего не спишь? – прохрипел, чувствуя, что Борис так и стоит с той стороны двери.

– Беспокоюсь. Кабы чего не вышло...

– Что, например?

– Ты помнишь, почему веров загнали в резервации?

– Ты про несдержанность? – криво усмехнувшись, Кир взглянул на себя в запотевшее зеркало. Сейчас, без контактных линз, было отлично видно, что глаза у него желто-карие, как у отца, с серповидным зрачком. Они выдавали в нем вера за километр. – Боишься, что я не выдержу и сорвусь? Изнасилую дочь Андрулеску? Не переживай, я уже думал на эту тему.

– И что решил?

– Есть сотни способов приглушить либидо.

Борис замолчал, но остался стоять. Кирилл слышал его изменившееся дыхание, говорившее, что друг чем-то взволнован.

– А она? – наконец раздался его неуверенный голос.

– Что – она? – Стромов нахмурился, понимая, к чему клонит Борис.

– Она тоже это почувствовала?

Пальцы Кира сжались сильнее. Белый бортик ванны пошел тонкими трещинами, крошась под звериной хваткой.

– Нет, – процедил он сквозь зубы, проговаривая вслух то, о чем не хотел даже думать. – И давай не будем об этом.

Когда Кирилл вышел из душа, на столе ждала чашка крепкого кофе.

– Спасибо, – он кивнул Борису, уже сидевшему за столом, – нужно решить, что делать дальше.

– У тебя же есть план.

– Есть, – Кир согласно качнул головой, потом забарабанил пальцами по столу, – но возникла одна неувязка. Мы с тобой кое-что неправильно поняли. Судя по тому, что вчера рассказала девчонка, отец не прятал ее на материке. Он их с матерью бросил. Точнее, выставил из резервации. А несколько лет назад по какой-то причине начал активно искать пути сближения.

– Интересно... Почему ты так решил? Веры ведь очень ревностно относятся к своему потомству. Я так понимаю, де-

ти для твоей расы редкое и потому очень ценное сокровище.

– Не всегда. – Залпом проглотив горячий напиток, Кирилл со стуком поставил чашку на стол и серьезно взглянул на Бориса. – Помнишь, что говорил твой отец? Когда создавали первое поколение веров, никто не планировал, что мы начнем размножаться естественным путем. Но при этом принцип естественного отбора был заложен на генном уровне. Подсознательная выбраковка слабых, нежизнеспособных и дефективных особей.

Он замолчал, давая Борису возможность самому додумать то, что осталось невысказанным.

Брови Тихомирова медленно поползли вверх.

– Хочешь сказать, что дочь Андрулеску нежизнеспособная или дефективная? – Он вспомнил девушку, которую видел на фотографиях. Да, она выглядела худенькой, но при этом не казалась больной. – Бред! Он сильнейший вер первого поколения!

– Тогда почему он ни разу за семнадцать лет не поинтересовался своим ребенком и его матерью? Он просто вычеркнул их из жизни. Как ненужную вещь. И я даже больше тебе скажу. – Кир на секунду замолк, подбирая правильные слова. – У меня была целая ночь, чтобы это обдумать. Я выжил среди людей лишь потому, что твой отец сам был ученым, разрабатывавшим генокод первого поколения. Он знал о верах все, вплоть до последовательности белков в цепочке ДНК. И он знал, как скрыть мою сущность. А эта девчонка?

Как смогла выжить она? Неужели никто не заметил, что она не такая, как ее сверстники, что она отличается от людей?

Борис потер подбородок.

– Возможно, ты прав...

– Прав, вот увидишь. Меня интересует другое: зачем она понадобилась Андрулеску на Тайре? Почему через столько лет этот ублюдок вспомнил о ней?

Кирилл резко замолчал, снова поймав себя на лжи.

Нет, этот вопрос его не интересовал. Он его беспокоил. И довольно серьезно.

Тревога за девушку возникла внезапно, заставив внутреннего Зверя занервничать. Так нервничают хищники, учуяв запах крови собрата. И появилось желание увидеть ее, схватить, ощупать. Убедиться, что с ней все в порядке, что никто не причинил ей вреда...

– Чертова девка, – пробормотал Кир, стараясь обуздать инстинкты. Его пальцы рефлекторно сжимались и разжимались, на руках вздулись толстые вены, кожу усыпали мелкие капельки пота, точно температура воздуха в комнате резко повысилась. Это внутренний Зверь пытался взять верх над человеческим разумом. Но он был еще слишком слаб, и человек смог прогнать его прочь – в самый темный угол подсознания. – Вчера я ей посоветовал наладить контакт с отцом, а сегодня мне хочется, чтобы она держалась от него как можно дальше.

– Интуиция тебя еще не подводила, – Борис внимательно

посмотрел на него. – Возможно, у Андрулеску планы на дочь. Что думаешь делать?

– Для начала встречусь с ней, как и планировал. А там посмотрю.

Стромов через силу усмехнулся, представляя, чего ему будет стоить это простое «встречусь». И дело не только в диком желании, которое вызывает сам запах девчонки. Кир знал, что с каждым контактом потребность в паре будет только расти. Сможет ли он удержать свою сущность в узде? Или сорвется?

Мысль о том, что он зависим от дочери врага, заставила скрипнуть зубами.

– Я за тебя беспокоюсь, – покачал головой Борис, глядя на побледневшее лицо друга, на котором багровым рубцом выделялся шрам. – Может быть, стоит пересмотреть наш план?

– Нет! – Кир сжал челюсти так, что на скулах выступили желваки, и почти прорычал: – Андрулеску уничтожил мою семью. А я уничтожу его. Даже если для этого мне придется сломать себя.

Анжелика!

Моя драгоценная дочь!

Много лет назад я выбрал тебе это имя. Но, к сожалению, не смог увидеть, как ты растешь. Да, в этом есть и моя ви-

на, но поверь, я не такая сволочь, как тебе могло показаться. Понимаю, ты имеешь право ненавидеть меня и обвинять во всех смертных грехах. Особенно в том, что произошло с твоей матерью. Но это слишком жестоко. Поверь, у меня были причины, по которым я молчал столько лет. Позволь мне доказать это. Дай хоть одну попытку убедить тебя в своей невиновности. Даже приговоренному к казни дается последнее слово.

Твой отец Антуан Андрулеску.

Лика беспрестанно прокручивала в голове эти строчки. Ужиная в кафе на первом этаже отеля, принимая душ и готовясь ко сну, ворочаясь в кровати и пытаясь заснуть...

В них чувствовался напор, уверенность в собственной правоте, безапелляционность. Даже шрифт, которым было набрано письмо – крупный, жирный, с острыми углами – говорил о настойчивости того, кто писал.

Но главное – это письмо заставило ее усомниться в собственной правоте.

В детстве Лика скучала по отцу, хотя и не помнила его. Мать сказала, что он умер, и когда Лика пыталась расспрашивать о нем, она всеми способами уходила от конкретных ответов. Только имя назвала – Тони.

Но девочка нуждалась в отце. К семи годам Лика нарисо-

вала себе сказочный образ, влюбилась в него, убедила себя, что он существует. Потому что так было легче. Ее детский разум не мог охватить всю глубину понятия «умер», ей было проще представить, что он просто уехал, но однажды вернется.

В школе она завидовала одноклассникам и друзьям, у которых были полные семьи. Лика мечтала, что однажды откроется дверь маленькой квартирке, где она жила с матерью, и на пороге возникнет отец – обязательно красивый, мужественный, сильный, широкоплечий, с лучезарной улыбкой на устах. Он подхватит ее на руки легко, точно куклу, посадит на плечо и так понесет по улице. А она будет смотреть на всех с высоты его роста и обнимать его крепкую шею.

Она была уверена: ее папа не умер, он самый лучший из всех, кого только можно вообразить. Однажды он придет за ней, и тогда мама поймет, что ошибалась.

Но годы шли, отец не появлялся, и сказочный образ постепенно тускнел, пока однажды окончательно не померк.

Это случилось, когда Лике уже было семнадцать, и она готовилась к выпускному.

Именно тогда врачи поставили Анне – матери Лики – неутешительный диагноз: лейкемия. И сказали, что нужно дорогостоящее лечение, на которое у их маленькой семьи не было денег.

Несколько месяцев они обивали пороги по друзьям и знакомым, но того, что удалось собрать, было слишком мало.

Именно тогда Анна призналась, что отец Лики на самом деле жив, здоров и вполне обеспечен. Что когда-то, когда она сама была молодой и наивной, он впечатлил ее своей силой и властью. Возможно, она его даже любила, но он ее – нет. Иначе не вычеркнул бы так легко из собственной жизни. Ни ее, ни ребенка, которого она ему родила.

Оскорбленная таким отношением, Анна сначала хотела доказать ему, что он заблуждается. Она даже сделала генетический анализ, прихватив с собой содержимое его пепельницы, и часто представляла, как швырнет эту бумажку ему в лицо. Но потом передумала. Испугалась, что он отберет ребенка, а ее саму выставит вон. Или сделает так, что она исчезнет.

Лика слушала исповедь матери и не могла поверить. Боль от разочарования оказалась настолько сильной, что радужный образ, нарисованный в детских мечтах, сразу померк. Но еще оставалась надежда. Сейчас, когда жизнь матери напрямую зависела от денег, Лика заставила ее связаться с отцом. Анна упорно отказывалась говорить, кто он, утверждала, что это опасный субъект, который не остановится ни перед чем. Но Лике было плевать: болезнь быстро прогрессировала, мать умирала у нее на глазах, и если бы в тот момент ради спасения ее жизни потребовалось бы сойти в Ад – она сделала бы это не задумываясь. Девушка была уверена: кем бы ее отец ни был, он не оставит в беде женщину, которая родила ему дочь. Надо просто ему доказать, что она у него

есть.

В конце концов, мать сдалась. Сообщила адрес электронной почты отца и место, где спрятала документы, подтверждающие родство. Лика сама написала отцу письмо с просьбой о помощи. И несколько дней, затаив дыхание, ждала ответ, боясь оторваться от компа даже на пару минут. Даже спала за рабочим столом, уронив голову рядом с клавиатурой.

Но ответа все не было.

А потом он стал и не нужен. Анна скончалась ровно через неделю, в ясный, солнечный день.

Именно тогда Лика окончательно поняла, что у нее нет отца. Да и не было никогда. Она дала себе слово, что, если однажды он все же возникнет на пороге и постучит, она не откроет ему. Даже если он будет стоять на коленях и умолять.

Это было восемь лет назад.

А спустя месяц после смерти матери отец написал ей первое письмо. Лика не стала его открывать. Ей было абсолютно безразлично, что в нем написано. Что бы ни написал ей этот человек – он опоздал. Опоздал на тысячу лет.

И вот теперь она нарушила собственное правило.

Открыла письмо.

Прочитала.

Кажется, ее отец, кем бы он ни был, умел добиваться желаемого.

Ли́ка заснула только под утро. Словно провалилась в глубокую яму. Злополучное письмо никак не хотело покидать ее мысли и не давало уснуть. А в шесть утра прозвенел будильник, вырывая девушку из сна.

Злая, не выспавшаяся, проклиная тропическую жару, с которой не справлялся даже кондиционер, она поползла в ванную, таща за собой полотенце. Взгляд случайно упал на ноутбук, оставшийся на столе. Вчера она забыла его закрыть, и это напомнило о письме.

Сжав зубы, она подошла к столу и захлопнула крышку ноутбука.

Вот так.

Это письмо ничего не значит. И то, что она его прочитала – тоже.

Восемь лет назад она поклялась над могилой матери, что этого человека больше не существует. Так почему же сейчас нарушила клятву?

И внутренний голос ответил: Кирилл. Это он заставил ее сомневаться.

Стоило только вспомнить о новом знакомом, как сердце на мгновение замерло, а потом забилось в бешеном ритме.

Черт возьми, она совершенно забыла, что он назначил ей встречу! Она должна подготовиться...

Быстрый взгляд на часы: у нее еще есть время привести себя в порядок!

Ли́ка бросилась в душ.

Пока теплые струи снимали остатки сна, перед внутренним взглядом стояло лицо Кирилла. Та его сторона, что не была обезображена шрамом. Ли́ка вспомнила, как он смотрел на нее, внимательно и серьезно, как целовал ей руку... Вспомнила его голос и то странное волнение, что вызывала его близость.

На секунду она представила его рядом – и по телу пробежала волна тепла. Ли́ка ахнула, ощутив возбуждение. Воображение мгновенно нарисовало картинку, достойную порносайта: Кирилл в расстегнутой на груди рубашке, в ворота которой видны гладкие мышцы... На его волосах и коже блещут капельки воды, потемневшие глаза смотрят так, словно хотят прочесть ее мысли... Вот он наклоняется к ней все ближе и ближе... Его лицо заслоняет весь мир... Она чувствует тепло его тела, его терпкий мужской запах, от которого между бедер становится влажно... Она видит его губы, мягкие, чуть приоткрытые, из которых вырывается хриплый стон... Этот стон касается ее слуха...

Ли́ка застыла, испуганно глядя на себя в помутневшее зеркало.

Ее рука, зажатая между ног, и была виновницей сто́на.

Неосторожно шевельнув пальцами, Ли́ка застонала опять. Покраснев, она отдернула руку от возбужденной плоти.

Черт возьми, неужели она пала так низко, что будет сама себе снимать возбуждение? И что сделал с ней этот мужчина, если при одной мысли о нем она вся течет?

Застонав снова, но на этот раз от злости на саму себя, Лика до упора выкрутила вентиль холодной воды. На спину обрушился ледяной ливень. Схватив мочалку, она начала с остервенением тереть свою кожу.

Девственница в двадцать пять – это смешно? Конечно, смешно. И она бы смеялась, если бы сейчас не пыталась сдерживать злые слезы.

Был ли у нее хоть один парень?

Она мысленно перебрала знакомых, с которыми близко общалась.

Нет.

Конечно, были друзья в институте, однокурсники. Она общалась со многими, но дальше дружеских отношений не заходило, да и некогда было. Все эти годы Лика училась. Училась, наплевав на личную жизнь, чтобы иметь то, что имеет сейчас: возможность работать над самым таинственным проектом Европы.

Вот о чем она должна думать! О работе. А не о губах мужчины, который вряд ли когда-нибудь захочет ее поцеловать.

И кто сказал, что они снова увидятся? Может, он уже передумал встречаться с ней...

Звонок мобильного, донесшийся сквозь шум воды, вернул Лику в реальность.

Закутавшись в полотенце, она выскочила из душа и схватила трубку.

– Алло?

Это был Кирилл.

Его спокойный, чуть хриловатый голос заставил ее вздрогнуть всем телом. Дыхание застряло в горле сухим комком.

– Привет. Ты готова?

Готова? К чему «готова»?

Ее мысли заметались стайкой испуганных бабочек. Легкое недоумение сменилось паникой, когда он добавил:

– Я жду внизу. Можешь выглянуть в окно и помахать мне ручкой.

Подчиняясь воле, скрытой в его словах, она отдернула штору и застыла с открытым ртом, позабыв, что стоит в одном полотенце.

Да, он был внизу. Ждал ее на залитой солнцем площадке перед крыльцом отеля, небрежно прислонившись спиной к сверкающему боку Гелендвагена. Солнце играло в стеклах его темных очков, отражалось от серебристой бляхи ремня, от начищенных до блеска дорогих туфель. Легкий утренний ветер ерошил пряди волос. И снова, как и прежде, Лике показалось, будто перед ней не реальный мужчина, а герой какого-нибудь романа.

Словно почувствовав ее взгляд, он поднял голову. Лица увидела, как губы Кирилла раздвинула понимающая усмешка.

ка. И только тогда обнаружила, что, засмотревшись, ослабила руку, и край полотенца соскользнул вниз, приоткрыв часть груди и бедро.

Охнув, Лика отпрянула от окна. Заметалась по номеру.

В голове пойманной птицей билась сумасшедшая мысль. «Черт возьми! Он увидел меня! Увидел! Неодетую, не накрашенную, с мокрыми волосами, облепившими лицо, точно водоросли. Господи, если ты хотел увидеть час моего позора – то он настал!»

Трясущимися руками Лика раскрыла шкаф и вывалила его содержимое на пол.

Строгий брючный костюм, подготовленный вчера, уже не казался такой уж хорошей идеей. Но среди ее вещей было слишком мало таких, которыми можно впечатлить противоположный пол. А если быть честной с самой собой – то вообще не было.

Она выхватила из кучи черную юбку-карандаш. Первое, что попало на глаза. На секунду засомневалась – слишком уж у юбки был скромный вид. Но в следующий момент уже застегивала ее на себе. В конце концов, она должна произвести впечатление не только на Кирилла, но и на свое будущее начальство. Не хотелось выглядеть легкомысленной искательницей приключений.

Так, теперь верх. Кажется, вот эта блузка будет как нельзя кстати. Спереди – скромный воротничок, украшенный ленточкой, сзади – тонкое кружево, подчеркивающие хрупкие

плечи и изгиб спины...

Черт, в этой блузке она похожа на школьницу! Осталось только белые гольфы надеть ... Нет, чулки. Нельзя появляться в первый рабочий день с голыми коленками.

Кусая губы, Лика подлетела к зеркалу. Волосы высохнуть не успели и до сих пор висели влажными прядями, а сушить их феном уже не было времени. Оставался только один выход: гладко зачесанный лоб и увесистый узел на затылке, скрепленный парой незаметных шпилек.

Лика скривила гримасу своему отражению. Если она и хотела поразить Кирилла своей красотой, то теперь это вряд ли получится.

Но извечное женское желание выглядеть лучше, чем есть, заставило потянуться за косметичкой. И пока Лика мысленно убеждала себя, что ей уже ничто не поможет, черный карандаш тщательно прорисовывал контур глаз, тушь удлиняла ресницы, а помада ложилась на губы плавными мазками, делая их сочнее. Она даже не забыла брызнуть на себя пару капель духов, припрятанных для особых случаев. И тут же в голове мелькнула ехидная мысль: неужели такой случай настал? С каких это пор Анжелика Румянцева красится и пользуется духами, чтобы произвести впечатление на мужчину? Неужели влюбилась?

Она отогнала эту мысль усилием воли. Слишком рано думать об этом. Такие рациональные личности, как она, не влюбляются в принципе.

Лика хмуро глянула на себя. Зеркало отразило бледную особу с большими глазами, в которых застыло недовольное выражение, и нервно поджатыми губами. Девушка свела брови к переносице, надеясь, что это придаст ей более строгий вид. Никто не должен догадаться, что она очень нервничает. Внешнее спокойствие – половина успеха.

Подхватив сумочку, лежавшую на столе, и закинув в нее телефон, Лика вышла из номера.

Глава 5

Она пахла лесной земляникой, цветущей акацией и жасмином. Запах был тонким, едва уловимым, но он летел впереди нее. Внутренний Зверь учуял его сразу, едва девушка выскользнула на крыльцо из стеклянных дверей отеля. Порыв теплого ветра подхватил ароматное облако и обрушил на Кира, заставляя мужчину до боли сжать кулаки и скрипнуть зубами.

Не доверяя себе, Стромов опустил на глаза солнцезащитные очки с зеркальным покрытием. Сомнительная защита, но все же...

Лица застыла в пяти шагах от него, растерянно улыбаясь.

– Привет...

– Хорошо выглядишь, – он отпустил дежурный комплимент, радуясь, что зеркальные стекла очков скрывают его голодный взгляд.

Белая блузка, черная юбка – вроде бы строгий, деловой вид обезличенного офисного планктона, но обтянутые тонким капроном колени девушки, мелькавшие при ходьбе, показали искушенному Киру верхом сексуальности. Засмотревшись, он представил, как опускает ладонь на эту коленку, чуть сжимает ее, а потом плавно ведет руку вверх, собирая в гармошку узкий подол.

– Правда? – Девушка покраснела, словно прочитав его грязные мысли. Кир заметил, как она нервно мнет ремешок своей кожаной сумочки, и это слегка остудило его.

– Правда. Садись. – Он распахнул перед ней дверцу машины.

Лица проскользнула мимо него, обдав ароматом духов. На долю мгновения девушка оказалась так близко, что Кир почувствовал тепло ее тела, и этого оказалось достаточно, чтобы вся кровь отхлынула от лица и прилила к паху.

Стромов прикрыл глаза, пытаясь вернуть хладнокровие. Мысль оказаться с этой девчонкой в одной машине уже не казалась такой замечательной.

Устроившись на заднем сиденье, Лица прижала сумочку к груди и с любопытством огляделась. Кир не мог не отметить, как заблестели ее глаза – он поймал этот блеск в зеркале заднего вида. Еще бы им не блеснуть: салон автомобиля был отделан черной кожей и лакированными панелями из сандалового дерева. И вообще, Гелендваген – удовольствие не из дешевых. Женщины, с которыми Кир привык проводить время, сразу подсчитали бы стоимость автомобиля и прикинули доход его хозяина. Вот и эта открыто разглядывала салон, не скрывая восхищения.

– Нравится? – губы Стромова изогнулись в ленивой усмешке.

Он был уверен: сейчас Лица мысленно потирает ручки, радуясь, что такой импозантный мужчина обратил на нее

внимание. Все они алчные сучки. Кто больше, кто меньше. И эта вряд ли чем-то от них отличается.

– Красивая машина, – Лика улыбнулась. – Я в таких никогда не ездила.

Улыбка казалась искренней, чуть наивной, и Кир на секунду забылся, засмотревшись на губы девушки, на которых влажно поблескивала перламутровая помада.

Под его пристальным взглядом Лика нервно прикусила губу.

Стромов глухо сглотнул. Его кадык нервно дернулся. Дыхание на секунду застыло в груди куском расплавленного свинца. Киру захотелось рвануть ворот футболки и засунуть голову в ведро с ледяной водой. Да и не только голову. Потому что воздух в салоне неожиданно стал плотным, горячим и тягучим, как клей.

Кровь зашумела в ушах, перекрывая все звуки. И он не сразу услышал свой собственный голос, звучащий отстраненно и сухо:

– Военная база очень большая, практически город. Куда конкретно тебя отвезти?

Лика нахмурила бровки.

– Корпус Е-2, вход для младшего научного персонала.

– Направление не забыла?

– Да, оно в сумочке. Показать?

Она торопливо расстегнула «молнию», собираясь предъявить ему бумажку, открывавшую для нее двери военной ба-

зы.

– Не нужно, – Кир повернул ключ в замке зажигания, и двигатель внедорожника ласково заурчал. – Просто проверь, что оно есть, иначе тебя не пустят на территорию базы.

– Понятно.

Лика смущенно улыбнулась. Ее новый знакомый заботится о ней? Она восприняла его слова именно так, и от этого у нее внутри разлилось щекочущее тепло. Никто никогда о ней не заботился. Кроме матери. Почему же этот мужчина, которого она вчера еще знать не знала, так внимателен к ней?

Лика боялась поверить в то, что он может оказаться к ней равнодушен. Боялась довериться и доверять. И не только ему – вообще любому мужчине. Боялась, что если обманется, то разочарование будет очень глубоким. Больше всего на свете ее пугала перспектива повторить судьбу матери: остаться с разбитым сердцем и ребенком, который не нужен собственному отцу.

Непослушная прядь волос, выпавшая из узла, скользнула по шее, и Лика машинально накрутила ее на палец. Взгляд Стромова прикипел к этой пряди.

– Все, поехали, – пробормотал Кир, злясь на себя, и машина мягко тронулась с места.

Территория, подконтрольная военным, была не так уж и далеко. И пока Лика наслаждалась поездкой и последним хитом известной певицы, звучащим в динамиках, Кир собирался с мыслями. Времени на пустую болтовню не осталось. К

тому же с каждой секундой запах девушки становился все насыщеннее, заставляя внутреннего Зверя нервничать. Не помогал даже включенный климат-контроль.

– Лика, – Кир прервал затянувшееся молчание, – можно задать тебе личный вопрос? Об отце.

Девушка залилась румянцем.

Кир заметил, что она краснеет каждый раз, когда он смотрит на нее или о чем-то спрашивает.

И тут же возникла мысль: а что будет, если они окажутся вместе в одной постели? Интересно, она так мило краснеет вся или только лицо?

Лика с трудом удержала ладони, чтобы не прижать их к пунцовым щекам. Все тело бросило в жар. Что делает с ней этот мужчина, если в его присутствии она сама не своя?

Девушка понимала, что глупо краснеть по каждому поводу, но сделать ничего не могла. Голос Кира пронзал ее насквозь каждый раз, стоило его только услышать. Бархатный тембр, точно смычок, задевал невидимые струны, спрятанные где-то внутри, струны, о которых Лика прежде даже не подозревала.

– Да, – она отвернулась к боковому окну, чтобы хоть как-то скрыть эмоции, с которыми не могла справиться. – Спрашивай.

Машина неслась по шоссе, вдоль которого росли стройные ряды финиковых пальм. За верхушками деревьев с одной стороны виднелась гладь океана, а с другой – живопис-

ные холмы, за которыми прятался город.

– Что ты знаешь о нем?

В зеркале заднего вида Кир видел, как Лика нахмурила брови и помрачнела. Видимо, этот вопрос был не слишком приятен. Или она раздумывала, что сказать. Наконец она пожала плечами.

– До вчерашнего дня я даже не знала, как его зовут.

Кир с трудом скрыл удивление.

– Разве мать тебе не говорила?

– Она вообще избегала любых разговоров о нем. Я знала только, что моего отца звали Тони и что он умер, когда я была совсем маленькой, – девушка хмыкнула. – Но потом оказалось, что он вполне жив-здоров, только знать меня не желает.

– А теперь? Ты сказала, что он буквально завалил тебя письмами. Ты прочитала то, что получила вчера?

– Да. Не знаю, что было в других, я их все удаляла, не открывая.

– Что он тебе написал?

Вроде невинный вопрос, банальное любопытство. Но Кир даже дышать перестал, ожидая, что она скажет.

Лика равнодушно пожала плечами, не замечая возникшего напряжения. Ей даже в голову не пришло спросить, а ему-то какое дело до ее отношений с отцом.

– Что он мог написать? Что жалеет о прошлом и хочет наладить будущее. Просит дать ему шанс.

– И ты дашь?

Лица молча отвернулась к окну. Устремив взгляд на пролетававший мимо пейзаж, она глубоко задумалась. Пауза затянулась, и когда Кир уже не надеялся услышать ответ, девушка сухо произнесла:

– Я подумаю.

Потом, невесело усмехнувшись, добавила:

– Зато теперь я знаю, как его зовут. Антуан Андрулеску.

Она не видела, как передернулось лицо Кирилла, как под темными стеклами очков вспыхнул взгляд. Не заметила, как под белой футболкой напряглись его шея и плечи, а большие ладони так сжали руль, что побелели костяшки пальцев.

Все это прошло мимо нее. Потому что стоило произнести вслух это имя, как внезапное воспоминание заставило ее саму онеметь на мгновение. Не сдержав изумленного вздоха, Лица почти прошептала:

– Черт возьми... Я уже слышала это имя...

Да, слышала, и не раз. Это имя принадлежало человеку влиятельному, но обделенному деньгами и властью. И очень часто оно звучало в связи с резервацией Химнесс. Той самой, что располагалась всего в сорока милях от Тайры.

Ей понадобилось не меньше пяти минут, чтобы истина наконец-то дошла до сознания. И когда это произошло, Лица едва не задохнулась от страха. Вздрыгнув всем телом, она зажала ладонью рот, обрывая испуганный вскрик. Глаза наполнились ужасом.

– Не-е-ет, – услышал Кир сдавленный голос девушки, – это не может быть мой отец, нет! Я не могу быть дочерью вера! Это какая-то шутка... Ведь шутка же, да?..

Паника захлестнула Лику леденящей волной. Девушка подалась вперед, ловя взгляд Кирилла. Вцепилась в свою сумочку так, словно та была спасательным кругом, и до боли закусила губу. Руки мелко тряслись, ей пришлось стиснуть их со всей силы, в глазах застыло смятение, смешанное с надеждой. Она ждала, что вот-вот Кирилл улыбнется, пожмет плечами и скажет: «Ну, конечно, это полная ерунда! Ты не можешь быть его дочерью, ты человек».

Но новый знакомый молчал.

Стиснув зубы, Кир смотрел на дорогу. Что он мог ей сказать?

Не дождавшись ответа, потрясенная Лика упала на сиденье и опустила ресницы. С ее губ сорвался отчаянный стон: – О, господи, мой отец вер!.. Нет, этого быть не может...

Ее маленький мир разбился вдребезги. Ощущение катастрофы обрушилось неумолимой лавиной, сметая все на своем пути. А в следующий момент на смену панике пришла полная пустота. Пустота в чувствах и в мыслях.

Застыв безмолвной статуей, Лика слушала стук своего сердца. Оно грохотало так, что каждый его удар отдавался в висках ударом набата. И с каждым этим ударом Лику охватывало все большее оцепенение. Ее жизнь разделилась на «до» и «после», и это «после» казалось кошмарным сном.

Вот сейчас Кир остановит машину и выбросит ее вон. В лучшем случае. Или позвонит в полицию. И тогда Лику ждет либо смерть, либо вечное заточение в резервации среди тех, кого ей так не терпелось начать изучать...

Кир действительно притормозил. Сжавшись в комок, Лика следила, как он свернул на обочину, остановил машину и вышел, заглушив мотор. Хмурый, с каменным лицом, на котором застыло непроницаемое выражение, он распахнул заднюю дверцу. И сердце девушки ёкнуло: все, это конец...

– Пожалуйста... – она жалко всхлипнула и опять зажала руками рот. Ее глаза наполнились слезами.

Кир на секунду прикрыл глаза. Боже, как тяжело...

Тяжело держать себя в руках, тяжело скрывать истинные эмоции, которые сейчас рвутся наружу. Тяжело сдерживать инстинкты, которые заложила сама природа.

Внутренний Зверь бесновался и рвался наружу. Несчастное лицо девушки, которую он признал своей парой, ужас, заполнивший ее глаза, стали для него сигналом к действию. Спасти, уберечь, помочь. Взять на себя ее боль, разделить с ней ее страдания...

Кир скрипнул зубами, загоняя Зверя подальше. Нет, пока не время ему выходить на свободу.

– Лика, – произнес он охрипшим голосом, – иди сюда.

Ее глаза расширились, стали почти вдвое больше. Зрачки превратились в две бездонные ямы. Отчаянно мотая головой, девушка забилась в угол салона.

– Нет... пожалуйста... – воображение уже нарисовало, как Кир выволакивает ее за волосы из машины и бросает в толпу озверевших людей. Лика слишком тщательно изучала веров и их историю, чтобы не знать, как с ними расправляются люди. Суд Линча по сравнению с этим не более чем детская ссора.

Кир глубоко вдохнул, потом медленно выдохнул, считая про себя в обратном порядке. Это помогло немного прояснить рассудок, уже охваченный проснувшимися инстинктами. Вытерев со лба холодный пот, Стромов заговорил снова, на этот раз медленно, спокойно – так, как говорят с самоубийцей, решившим шагнуть с крыши небоскреба.

– Послушай, я не причиню тебе вреда. Я хочу помочь. Ты меня слышишь? Кивни, если поняла.

Судорожно вздохнув, Лика кивнула.

– Отлично. Я хочу, чтобы ты села на переднее сиденье и взяла в бардачке бутылку с водой. Поняла?

– З-зачем?

Она ему не доверяла. Боялась. Это было ясно видно в ее глазах.

– Ты забыла, куда мы едем? Если ты не возьмешь себя в руки, то первый же патруль опознает в тебе вера. И поверь, никто не будет выяснять, как ты здесь оказалась.

Лика моргнула. Слезы сорвались с ее ресниц и побежали вниз по щекам. Теперь она была похожа на девочку, маленькую и беззащитную, и Стромов едва сдержался, чтобы

не схватить ее и не прижать к себе.

– Давай, малышка, – прохрипел он, делая шаг назад и поднимая руки, – я не трону тебя. Но ты должна сделать, как я сказал.

Преодолевая собственный страх, Лика выбралась из салона и пересела на переднее сиденье. Ее ослабевшие руки тряслись, когда она открывала бардачок и доставала бутылку. Бутылка оказалась небольшой, на пол-литра, из затемненного пластика. Лика едва не упустила крышку, а потом, приложившись губами к горлышку, поняла, что не может сделать даже глотка.

Вода в бутылке пахла лекарством. Едва заметно, но все же пахла.

– Лика, пей. Три глотка, не больше, – услышала она голос Кира, прозвучавший над самым ухом. – Пей, черт возьми, иначе подставишь нас всех!

В его тоне было столько внутренней силы, что Лика, подавшись ей, сделала пару глотков и закашлялась. Вода была горькой.

– Все, хватит, – Кир отобрал бутылку, закрыл и бросил назад в бардачок.

– Что ты мне дал? – пискнула девушка.

Обойдя машину, Стромов упал на водительское сиденье и завел автомобиль.

– Особый коктейль. Его составил мой приемный отец, профессор Мещерский. Слышала о таком?

– Д-да...

Ли́ка решила, что бредит. Профессор Мещерский – отчим ее знакомого? Тот самый Мещерский, который разрабатывал генокод первых веров? Господи, да что происходит?!

– Этот коктейль притупляет наши инстинкты, так сказать. Держит внутреннего Зверя в искусственной спячке.

Девушке показалось, что она ослышалась.

– Наши инстинкты?.. – переспросила тревожным эхом.

– Да, – с губ Стромова сорвался горловой звук, похожий на рык, – наши. Потому что я тоже вер. Как и ты.

Он ожидал, что она закатит истерику, попытается выпрыгнуть из машины.

Но Ли́ка только шумно выдохнула и закрыла глаза. Смысл истерить? Что-то изменится?

Она еще не успела отойти от первого потрясения, как на нее свалилось второе. Когда на голову внезапно падает весть, что твой отец не человек, а значит и ты не человек, надо время, чтобы свыкнуться со своим новым статусом. Но когда почти сразу же узнаешь, что и рядом с тобой не люди – эта новость меркнет в сравнении с первой.

Вот и Ли́ке сейчас было безразлично, кто рядом с ней – человек или вер. Она пыталась осознать и принять собственную действительность. Коктейль Мещерского, чем бы он ни был, прояснил сознание, успокоил внутреннюю дрожь, даже паника, которая до этого момента сжимала горло холодной рукой – отступила.

– Господи... – непослушными ладонями девушка обтерла лицо, – я вер... вер... и я еду на военную базу...

– Наконец-то, – Кир не сдержал саркастичной усмешки, – я уж думал, сама не поймешь.

– Я не могу туда ехать, – пробормотала она, не слыша его. – Не могу...

– Придется.

– Господи... меня же убьют...

– Сейчас уже не убивают. Арестуют «до выяснения», а когда анализы подтвердят, что ты вер, тебе присудят личный номер, степень опасности и резервацию, в которой ты проведешь остаток своих дней. И я даже могу сказать, в какую из резерваций тебя отправят.

Он произнес это таким тоном, что Лика вздрогнула, а потом посмотрела на него. Кир давно сбросил очки, и сейчас в его глазах, безотрывно смотревших на дорогу, бушевало пламя. Плотно сжатые челюсти мужчины побелели, губы превратились в полоску, а шрам, который в этот момент не был скрыт волосами, стал похож на багровую рану.

– Ты о чем? – пробормотала девушка, чувствуя, как внутри все сжимается. То ли от страха, то ли от предчувствия скорой беды.

– О твоём отце, – процедил он сквозь зубы. – Ты ведь знаешь, кто такой Антуан Андрулеску? Знаешь, иначе бы не знала того, что он вер.

Губы Лики беззвучно выдохнули:

– Он глава резервации Химнесс с 1989 года...

А потом она рассмеялась. Ее плечи затряслись, из глаз брызнули слезы, а из груди рвался гомерический хохот.

– О, господи, – захлебываясь смехом, бормотала она, – мой отец – глава резервации! Вер первого поколения! Нет, это бред какой-то. Если все это правда, то как я выжила среди людей? Почему никто не понял, что я не такая, как все?

Она схватила Кира за руку, отвлекая его от дороги.

– Не знаю, – он бросил на нее хмурый взгляд, – Но у меня есть пара предположений.

– О... может, поделишься? – она состроила гримасу, выражая наигранное изумление.

– Если ты успокоишься.

– Успокоиться? – Лица снова хохотнула, но сквозь этот смех пробивался страх, засевший в глубине души. – Да я спокойна, как труп, которым скоро и стану! Мой отец – вер, я – вер, и еду прямехонько в руки военных! Что мне терять?!

Кир ударил по тормозам.

Машина резко затормозила, сила инерции бросила Лику вперед, на лобовое стекло. Но встретиться с ним она не успела. Мужские руки схватили ее за плечи, сжали до боли, а потом встряхнули так, что голова девушки мотнулась, как у тряпичной куклы.

Перепуганная Лица зажмурилась и икнула.

– Хватит! – раздался звериный рык. – Возьми себя в руки!

Кирилл наклонился так близко, что его дыхание косну-

лось ее лица. Оно было прерывистым и горячим, словно он только что пробежал стометровку. И Лика замерла, охваченная волной жара, возникшей из ниоткуда. Эта волна в одно мгновение прокатилась по всему ее телу, наполняя каждую клеточку, каждый сантиметр кожи, каждую волосинку...

А потом твердые мужские губы опустились на ее собственный рот, захватывая его в плен.

Поцелуй Кира был властным, немилосердным. Он грубо брал, присваивал, не спрашивая, чего хочет она. Потому что в этот момент ему было плевать на ее желания.

Железная выдержка подвела.

Зверь сорвался с цепи.

Глава 6

В первое мгновение Лика оторопела.

Язык Кира по-хозяйски раздвинул ее губы, вторгся в рот, буквально овладевая им. Жадно, напористо. Он требовал подчинения, и Лика, невольно застонав, подчинилась. Никто, никогда не целовал ее так! Охваченная внутренним жаром, она прикрыла глаза. Даже не догадалась, что нужно сопротивляться. Ее тело стало ватным, обмякло, в голове появился дурман, притупивший сознание.

А потом руки мужчины медленно поползли вниз с ее плеч, очерчивая силуэт. Скромную грудь, тонкую талию, узкие бедра, скрытые юбкой... Горячие, жадные руки, чей жар прожигал даже сквозь ткань.

Они остановились, только достигнув ее коленей, и Лика машинально, не отдавая себе отчет, сдвинула ноги. Ее дыхание сбилось, стало поверхностным, между бедер образовался теплый комок.

Издав глухой стон, Кирилл на секунду оторвался от девушки. Прикусил ее нижнюю губу и скользнул вниз, обдавая шею Лики горячим дыханием.

Черт возьми, она оказалась слаще, чем он представлял! Лакомый кусочек, истекающий соком, который так и просится в рот.

Его кусочек.

Его девочка.

Его пара.

Лица гулко сглотнула.

Он почувствовал, как ее тело пронзила мелкая дрожь, пробежав от основания позвоночника вниз. А потом девушка инстинктивно вскинула руки, запуская пальцы ему в волосы.

Губы Кирилла коснулись ее горла, потом переместились чуть ниже, а потом еще и еще, прокладывая дорожку из обжигающих поцелуев, пока не достигли верхней пуговицы блузки.

Новое препятствие заставило вера издать недовольный рык. Сейчас в нем главенствовал Зверь, и для этого Зверя тело его самки источало умопомрачительный запах желания.

Запах, который нельзя игнорировать.

Заворчав, Кир рванул ворот блузки.

Ткань затрещала, и этот звук ворвался в сознание Лики, разгоняя дурман.

Вздрогнув, девушка распахнула глаза.

Затуманенный взгляд уперся в потолок салона, подбитый перфорированной кожей. Сфокусировался. В сознание ворвалось чье-то рваное дыхание, терпкий запах мужских феромонов, а еще – ощущения. Ощущение тяжелого мужского тела, которое придавило ее к спинке сиденья. Ощущение чужих губ и языка, ласкавших ее грудь. Ощущение чужих

рук, пытавшихся раздвинуть ее колени.

Первая реакция – закричать. Лица ее с трудом подавила. Интуитивно почувствовала, что жалкие трепыхания ничем не помогут. Она физически слабее мужчины, который сейчас с утробным рычанием сдирал с нее блузку. Вместо этого Лица провела дрожащей рукой по его затылку, чувствуя, как в груди колотится сердце. Шелковистые пряди волос заскользили между пальцев.

Давай, Лица, успокойся, дыши глубже, ровнее...

– Кир...

Голос девушки был не громче шепота, но Стромов услышал. Вздвогнув, он поднял голову.

Контактные линзы в его глазах были щитом, скрывающим истинные чувства. Но если бы сейчас их не было, то Лица увидела бы две бездонные ямы, наполненные безумным огнем, способным прожечь ее насквозь.

Она ощущала этот огонь каждой клеточкой тела.

Их взгляды на секунду столкнулись и замерли. Сапфирово-синий против серо-зеленого.

Лица чуть заметно шевельнула губами:

– Пожалуйста...

Стромов мотнул головой. Его рассудок, опьяненный взбесившимися инстинктами, практически не контролировал происходящее. Он просто смотрел на девушку, распластанную под его телом. На ее разорванную у ворота блузку, на испуганное лицо с застывшими дорожками слез, на разва-

лившуюся прическу...

А потом на него словно обрушился ледяной душ.

В одно мгновение Кир осознал действительность. Осознал – и волна отвращения к самому себе накрыла его. Но справиться с внутренним Зверем было не так-то легко.

– Оттолкни меня, – прохрипел он через силу, чувствуя, как ширинка джинсов, ставшая неимоверно тесной, давит на член.

– Что? – глаза девушки расширились еще больше.

– Оттолкни! – голос перешел в низкий рык.

В этом рыке смешались угроза, приказ и... мольба.

Растерявшись, Лика робко толкнула его ладонями в плечи. Но это было все равно, что толкать скалу.

– Сильнее! Или я трахну тебя прямо здесь. Ты этого хочешь?

Тело девушки среагировало быстрее, чем рассудок осознал смысл этих слов. Она резко поджала ноги, а потом изо всех сил толкнула ими Кирилла в живот.

Силы удара оказалось достаточно, чтобы заставить Зверя отпрянуть. Обиженный, возбужденный, не понимая, за что его так, он отступил, недовольно шипя сквозь зубы. Его самка посмела его оттолкнуть! Она его оттолкнула! Эта мысль не укладывалась в голове.

– Умница, – выдохнул Стромов, усилием воли возвращая контроль над телом. Но загнать Зверя в подсознание, туда, где ему и место, оказалось не так уж легко. Запах девушки

сводил на нет все попытки.

Чертыхнувшись, Кир вывалился из машины и быстрым шагом направился прочь от дороги, к зарослям двухметровых папоротников. Онемевшая Лика осталась сидеть, растерянно глядя, как он удаляется.

Отойдя метров на двадцать, Стромов остановился. Засунул руки в карманы и поднял голову вверх, всеми легкими вдыхая сладковатый аромат зелени. Лика видела только его напряженные плечи и спину. Она не понимала, что происходит. Они ведь всего лишь поцеловались! А что случилось потом? Почему Кир, словно обезумевший маньяк, начал рвать одежду на ней? И что было бы, если бы она не смогла его остановить?

Воображение тут же нарисовало картину: она, едва прикрытая обрывками юбки и блузки, лежит под ним, бессильно раскинув ноги, а над головой темнеет потолок Гелендвагена...

Картина была ужасной. Судорожно вздохнув, Лика вцепилась рукой в разорванный ворот блузки.

Ну уж нет, первый раз в машине – это точно не для нее...

Вернулся Кирилл. По его замкнутому лицу невозможно было понять, что он думает. Но от мужчины веяло таким холодом, что Лика, молча сглотнув комок, поплотнее запахнула блузку, а подол юбки натянула ниже коленей. Ни слова не говоря, Кир сделал несколько глотков своего коктейля, забросил бутылку назад в бардачок, а потом опустил на глаза

защитные очки. Только заведя двигатель, он, наконец, заговорил. Голос его был глухим и бесстрастным.

– Не бойся. Я больше не трону тебя.

Ли́ка пару секунд обдумывала эти слова, не зная, что ответить. Но надо быть честной хотя бы перед самой собой. Она вовсе не испугалась, нет. В тот момент, когда Кир раздевал ее и ласкал, она не хотела, чтобы он останавливался. Только когда он сам попросил оттолкнуть его, она поняла, что совершает ошибку.

Возможно, он принял ее за одну из тех девиц, которые падки на случайные встречи, и в случайном сексе не видят ничего предосудительного? Что ж, не его вина – таких сейчас большинство. К тому же у нее на лбу не написано, что она девственница...

– Я не боюсь...

Голос девушки коснулся слуха Стромова и заставил мужчину замереть. Он был едва слышным, но твердым и уверенным.

– Не боишься? – губы Кира дернулись в саркастичной усмешке.

– Нет, – Ли́ка качнула головой.

– Зря. Я опасен.

– Потому что ты вер?

Странно, но это ее совсем не пугало. Наоборот, стоило произнести это вслух, признавая, как вместо естественного опасения вспыхнуло любопытство, а еще – о да, Ли́ка отда-

вала себе в этом отчет – научный интерес.

Первый живой вер, которого она увидела собственными глазами! Пощупала. Понюхала. И, черт возьми, она целовалась с ним! Последняя мысль заставила ее щеки вспыхнуть румянцем.

Но Кир сделал вид, что не услышал вопрос. Заговорил о другом:

– Тебе нужно привести себя в порядок.

Лица хмыкнула, заметив его маневр. Нагнувшись, глянула на себя в зеркало бокового обзора. Да уж, красавица. Темные волосы рассыпались по плечам, сделав лицо еще уже, еще бледнее, под глазами образовались синяки от потекшей туши. Искусанные губы распухли, словно накачанные силиконом. А еще порванный ворот блузки...

– Черт, – Лица не сдержала эмоций. И вовсе не от собственного вида. Теперь она увидела в зеркале другую себя – девушку-вера. И вот как раз это пугало. Как жить с этим знанием дальше? У Лицы не было ответа на этот вопрос.

– Тише, все поправимо.

– Да? – она запустила пальцы в волосы, пытаясь собрать их в хвост. – И каким же образом? Здесь по пути раздают одежду и есть умывальник с водой, чтобы смыть мой боевой раскрас?

Ее голос звучал раздраженно.

– Лучше. Здесь по пути есть мой дом.

Лица искоса бросила на мужчину настороженный взгляд.

– Ты не шутишь? Я и так уже опоздала. Меня выгонят с треском в первый же день!

– Ты так дорожишь своим местом? – он усмехнулся, глядя на ее покрасневшее от возмущения лицо.

– Дорожу? – Лике казалось, что она говорит с глухим. – Кир! Я с пятнадцати лет мечтала о нем! Изучать психологию веров и их поведение на практике, а не по книжкам, которые написал кто-то до нас!

– И написать свою книгу об этом?

– Да! Может быть... – она смешалась. Слишком много иронии было в голосе мужчины, сидевшего рядом с ней. – Тебе-то какая разница?!

Стромов едва удержался, чтобы не раскрошить руль.

Разница?

Какая ему разница?

Внутренний Зверь натянул свою цепь.

Эта девчонка не понимает, что играет с огнем.

Что ж, пусть будет все, как она хочет. В этот раз. Коктейль в ее крови поможет контролировать эмоции, никто не догадается, что с ней что-то не так. К тому же, если она не явится к коменданту в назначенный срок, это вызовет ненужный интерес со стороны военных.

– Хорошо, – процедил он сквозь зубы, с трудом возвращая себе хладнокровие. Похоже, придется увеличить в коктейле дозу действующего вещества. – Я отвезу тебя на базу. Не боишься?

Она сверкнула глазами.

– Нет.

– Что будешь говорить, если спросят?

– Что-нибудь придумаю.

– И не боишься, что в тебе опознают вера?

Стиснув зубы, Лика снова взглянула на себя в зеркало.

Да, лицо чуть бледнее обычного, но это скоро скроет заггар. Да, зрачки немного расширены, но это от эмоций, а может и от препарата, который она выпила вместе с водой... А так – все, как обычно.

И вообще, все это очень странно. У нее же не раз брали кровь на анализы... И ни разу у врачей не возникло к ней особого интереса. А не дай бог в ней заподозрили бы вера – все, сейчас она не сидела бы здесь.

– До сих пор же не опознали, – процедила Лика сквозь зубы, принимая решение. Она не будет отказываться от мечты, к которой шла столько лет. – Как говорится, «делай, что должен, и будь, что будет».

– Это твой выбор.

Кир свернул с главной трассы, и мимо автомобиля пролетел предупреждающий знак «впереди закрытая зона».

Пожав плечами, Лика открыла сумочку и достала пачку влажных салфеток. Пару минут Кир искоса наблюдал, как она смывает с лица остатки макияжа. Да, не накрашенная она казалась совсем девчонкой.

Его девчонкой – рыкнул внутренний Зверь.

И рассудок неохотно согласился: да, его.

Закончив с лицом, Лика закрутила волосы в плотный узел и придирчиво осмотрела испорченный воротник. Оказалось, что блузка почти не пострадала, если не считать двух отлевших пуговиц. Вряд ли кто-нибудь заметит подобную мелочь.

Девушка разгладила воротник по плечам. Получилось вполне прилично. Потом разгладила ладонями юбку.

Стромов сжал челюсти, запрещая себе смотреть, как ее узкие ладони гладят черную ткань, обтянувшую бедра. Его собственные пальцы все еще помнили тепло ее кожи и упругую податливость тела.

– Мы на месте, – процедил он, когда впереди показались решетчатые ворота базы и шлагбаум, рядом с которым находилась будка охранника. – Доставай направление.

Комендант оказался женщиной. Под бесполом именем Ди Джой Адамс скрывалась высокая худощавая брюнетка в наглаженной форме с погонями капитана. Гладко зачесанные волосы открывали высокий лоб, плотно сжатые губы намекали на непростой характер, а взгляд – цепкий, сухой – буквально пронзал насквозь.

Опоздавшую Лику она встретила недовольным прищуром. Капитан Адамс сидела за рабочим столом, когда девуш-

ка протиснулась в кабинет мимо охранника.

– Вы опоздали, мисс, – сознательно сделав заминку, комендант заглянула в бумагу, которую держала двумя пальцами, – Румянцева.

Капитан Адамс говорила на хорошем английском, но ее резкий, гортанный говор выдавал в ней уроженку Штатов.

Щеки Лики покрылись пунцовыми пятнами. Комендант была недовольна и даже не пыталась этого скрыть.

– Извините, – девушка опустила ресницы. Ее губы все еще жег поцелуй Кирилла, а на теле чувствовались его руки.

– Садитесь, – капитан Адамс небрежным кивком указала на свободный стул. – У вас идеальная характеристика, но сегодняшнее опоздание никак с ней не вяжется. Объяснитесь, пожалуйста.

Оказавшись на стуле, Лика вздохнула и поставила сумочку на колени. Она понимала, что виновата: опоздать в первый же день – верх неуважения к людям, которые ее ждали. Да и внятной уважительной причины, чтобы оправдать свой поступок, она тоже найти не могла. Перед глазами продолжало маячить лицо Кирилла. В ушах стоял его голос, шептавший с легкой хрипотцой: «Оттолкни меня, Лика, оттолкни, или я трахну тебя прямо здесь...» И от этого голоса мышцы между бедер сводило сладкой истомой.

Лика вынуждена была укунить себя за щеку, чтобы вернуть ясность мыслей. Еще не хватало, чтобы эти шальные мысли проявились у нее на лице прямо сейчас!

Она сжала колени и мысленно порадовалась, что стол скрыл это действие от коменданта.

Но капитан Адамс ждала. Пристальный взгляд светло-голубых глаз придирчиво изучал девушку, и под этим взглядом Лика почувствовала себя первокурсницей, первый раз вызванной на ковер к ректору.

– Извините, – повторила она, понимая, что второе извинение подряд звучит глупо, – этого больше не повторится.

Комендант хмыкнула.

– Если бы не люди, которые настаивали на вашей кандидатуре, – произнесла Адамс, поднимаясь, – то я, не колеблясь, указала бы вам на двери. К сожалению, есть ситуации, в которых я вынуждена идти против собственных принципов. И могу сказать, что мне это очень не нравится.

Лика молча следила, как комендант подошла к небольшому бару, встроенному между полок с толстыми папками, и налила себе в стакан минеральной воды. Адамс бросила туда дольку лимона, отпила и посмотрела на девушку.

– Вы понимаете, о чем я сейчас говорю? – брови брюнетки выразительно поднялись.

Лика с заминкой кивнула. Хотя, черт возьми, она вообще ничего не понимала.

– Отлично, – комендант вернулась в свое кресло и поставила стакан на стол. Откинувшись на спинку кожаного сиденья, она сцепила руки в замок. – Мне не нравится, когда некто сверху указывает мне, что делать. Кого пускать на ба-

зу, кого не пускать, кого принимать в штат, кого – нет, и так далее. Я вынуждена играть по правилам, но это не значит, что я буду терпеть ваши выходки. Еще один выговор – и даже ваши покровители вам не помогут. Вы все уяснили?

Лица машинально кивнула.

Слова коменданта, особенно ее неприязненный тон, заставили девушку растеряться. Лица понять не могла, о чем идет речь. Что за игры, что за покровители... Наверное, комендант приняла ее за кого-то другого...

Она уже открыла рот, собираясь что-то сказать в свое оправдание, но тут Адамс протянула ей тонкую стопку бумаг:

– Внимательно прочитайте и подпишите. Это договор о неразглашении. Все, что вы увидите или услышите в этих стенах, не подлежит использованию в личных или коммерческих целях. Если хоть одно слово выйдет за территорию базы, вас ждет уголовное наказание, вплоть до обвинения в преступлении против человечества.

Угроза, сквозившая в голосе коменданта, заставила Лику напрячься. Чуть дрогнувшей рукой девушка поставила подпись под каждым листом, подтверждая, что ознакомлена и согласна на все условия.

Между тем Адамс нажала кнопку селектора:

– Доктор Нейман, зайдите ко мне.

Сухой взгляд заставил Лику поторопиться. Закончив с бумагами, девушка вернула их коменданту.

– Сейчас подойдет ваш научный руководитель, – пояснила капитан, убирая договор в стол. – Если у вас есть вопросы ко мне – говорите.

Ли́ка машинально закусила губу. Имя Генри Неймана заставило ее забыть о своих тревогах. Еще бы, об этом человеке ходили легенды в научных кругах, ведь он был единственным из ныне живущих, кто лично участвовал в создании веров! Его книги и статьи изучались в университетах, на его видео-лекции было не протолкнуться. Но он так редко появлялся на материке, что за последние десять лет его видели там только дважды.

И вот теперь ей предстоит не только встретиться с ним, но и работать под его руководством.

Охваченная волнением, Ли́ка забыла даже о Кире и его поцелуе.

Но один вопрос к коменданту все же у Ли́ки был.

– Мне обещали комнату в общежитии для научного персонала, – напомнила она.

– Это все ваши вещи? – комендант демонстративно посмотрела на сумочку, которую девушка все еще прижимала к себе.

– Нет. Я оставила их в отеле.

– Очень опрометчивый поступок. Вы знаете, что я могу запретить вам покидать территорию базы?

– Да... мэм.

Сухо усмехнувшись, комендант положила на стол пласти-

ковую карту-ключ размером с обычную кредитку. На белом фоне крупным шрифтом красного цвета был выведен номер «158».

– Это электронный ключ от вашего нового дома, – объяснила она. – Советую не терять, так как есть только два экземпляра, и второй останется у меня. Комендантский час с двадцати ноль-ноль до шести утра. Это значит, что в течение этого времени территория базы является закрытой зоной, куда никого не пускают и не выпускают. Это понятно?

– Да.

– Если вы решите прогуляться в город – не опаздывайте назад. Иначе рискуете ночевать в будке с охранником.

Под неприязненным взглядом Адамс Лика спрятала ключ в сумочку. Спрашивать, где именно находится общежитие и как к нему пройти, она уже не рискнула. Слишком уж явно комендант дала понять, что Лика ей не нравится.

В этот момент в кабинет заглянул охранник.

Лика сидела спиной к дверям, но все же почувствовала, как взгляд охранника заинтересованно скользнул по ее затылку. Здесь, в закрытой зоне, где преобладал мужской контингент, каждое новое лицо женского пола вызывало естественный интерес. Особенно, если это лицо было еще и молодым.

– Капитан, к вам доктор Нейман.

– Пусть войдет.

Услышав знакомое имя, девушка встрепенулась. Огля-

нувшись, она застыла под пристальным взглядом доктора Неймана, который в этот момент как раз входил в кабинет.

Знаменитый генетик оказался почти таким же, как на многочисленных фото в научных журналах. Высокий, сухопарый, с породистым лицом английского джентльмена. Сухо кивнув капитану, он остановился в шаге от Лики, глядя на нее так, словно она уже успела ему насолить.

– Доброе утро, мисс...

– Румянцева, – подсказала комендант, не скрывая сарказма.

– Я ждал вас раньше.

– Извините, – выдавила девушка в третий раз за последние полчаса, мысленно желая провалиться под землю. Сколько еще ей предстоит извиняться, прежде чем на нее перестанут смотреть с осуждением? Хорошенькое же начало карьеры она себе выбрала! И кто виноват? – Не стоит, – Нейман оборвал ее, не дослушав. – Идемте, у меня мало времени, а вас нужно ввести в курс дела.

Лица уже выходила из кабинета, не забыв вежливо улыбнуться молодому парню в военной форме, который придержал перед ней дверь, когда в спину донесся полный неприязни голос коменданта:

– И советую сменить стиль одежды, мисс Румянцева. Если не хотите страдать от чрезмерного мужского внимания, то завязывайте с узкими юбками и глубокими декольте. И обувь не забудьте сменить.

Глава 7

Справедливость последнего замечания Лика почувствовала почти сразу, стоило только покинуть кабинет коменданта.

Доктор Нейман шагал широко и стремительно, и девушка едва успевала за ним, семеня в своих лодочках на каблук. Но это было еще полбеда.

Мужчины в военной форме, попадавшиеся почти на каждом шагу в этом бесконечном лабиринте из коридоров, переходов и лестниц, провожали Лику заинтересованными взглядами. И эти взгляды буквально прожигали ее пятую точку. Да-да, все эти самцы, соскучившиеся по женскому разнообразию, даже не скрывали, что именно их привлекло.

Лика была так возмущена этими взглядами, что даже не заметила, как Нейман остановился. Не успев сдержать шаг, она врезалась ему в спину.

– Осторожно! – он придержал ее за локоть. – Мы пришли.

Он открыл перед ней дверь кабинета, и Лика не сразу поняла, куда попала. В первый момент ей показалось, что это комната внутренней службы безопасности, где охранники следят за персоналом через камеры видеонаблюдения. Окна здесь отсутствовали, а три стены занимали экраны, транслировавшие статичные, на первый взгляд, цветные картинки.

Единственной мебелью, которую Лика увидела, оказались пара эргономичных кресел на колесиках и пульт со множеством кнопок и тумблеров.

– Это ваше рабочее место, – заявил Нейман, глядя на обескураженное лицо девушки.

– Но я...

Он ее оборвал.

– Да, я знаю, кто вы. И зачем вы здесь – тоже знаю. Но вы же не думаете, что я в первый же день допущу вас к физическому контакту с объектом? Веры очень негативно реагируют на незнакомцев. Особенно те, у которых и так под боком куча вооруженных людей. Садитесь, – он широким жестом указал ей на одно из кресел и сам опустился в соседнее. – Начнем с малого.

Лика молча подчинилась. Только теперь она поняла, что часть экранов показывает внутреннюю обстановку какого-то дома. С них хорошо просматривались спальня, тонувшая в полумраке задернутых штор, просторная кухня, детская со множеством игрушек, разбросанных по ковровому покрытию, и еще какие-то помещения. Часть камер показывала этот же дом снаружи, а еще несколько были расположены в небольшом парке и вдоль песчаного пляжа.

– Несколько месяцев назад один из веров Химнесса дал согласие на участие в долговременном эксперименте, – продолжил Нейман, когда она села. – У этого эксперимента двойная задача. Первое: изучить механизм поведения ве-

ров, выяснить связь их эмоций и инстинктов, и доказать или, наоборот, опровергнуть возможность существования с людьми.

– Это тема моей научной работы.

– Я знаю, – Нейман слегка усмехнулся. Так, словно ее слова не имели значения. – Смотрите.

Он указал на три монитора, которые Лика сначала не заметила. Они были расположены в самом низу, над пультом, и сейчас на них фиксировались чьи-то жизненные данные, начиная от частоты пульса и заканчивая процентом кислорода в крови.

– На сегодняшний день мы ведем наблюдение за тремя особями. Одна из них – человеческая женщина, Евангелина Воронцова. Есть причины подозревать, что связь с вером, особенно вынашивание его ребенка, вызвало в ее организме небольшие мутации. Второй объект – Лукаш Каховский, вер первого поколения. Вы изучали опыты по биотрансформированию?

– Конечно.

– Он единственный, кто выжил после них и приобрел эту способность.

Лика оторвалась от экрана, чтобы бросить на профессора недоверчивый взгляд.

– Вы хотите сказать, что...

– Да. Каховский единственный из всех живых существ, кто способен изменять собственное тело. Проще говоря, он

превращается в животное, кугуара, в прямом смысле слова. И понять механизм этого превращения – одна из наших важнейших задач. – Нейман на секунду прервался, наслаждаясь впечатлением, которое его слова произвели на девушку. – Да, попытки биотрансформирования изучаются в ВУЗах, но по официальной версии они не дали результатов и потому были прекращены. К тому же Женевская конвенция признала их бесчеловечными. Когда научная комиссия Европейского совета узнала о способности Лукаша, они засекретили эти данные, и сейчас только горстка людей знает об этом. Ну, теперь и вы.

Он усмехнулся.

– Вот почему я должна была подписать договор о неразглашении, – сообщила Лика. – Это просто невероятно! И как происходит трансформация? Вы ее видели?

– Конечно. И не раз. Вы тоже увидите. Лукаш практически не может контролировать изменения. Он обращается в кугуара каждые двенадцать часов, но для своей пары и сына он безопасен.

– А как насчет других людей?

– Вот вы это и выясните.

Слова Неймана заставили девушку вспомнить о том, кто она есть. О том, кем она всегда стремилась быть: научным работником, собранным и практичным до мозга костей. Такая Лика не стала бы переживать о том, что не подтверждено диагностикой и кучей анализов. Не стала бы принимать

на веру слова человека, которого видит второй раз в жизни, или того, кто назвался ее отцом. А она только и делала все это время, что дрожала, боясь, как бы кто-то не заподозрил в ней вера.

Смешно!

Лица едва не фыркнула, подумав, что вела себя, как последняя неврастеничка. Ей нужно выбросить из головы все, что не касается новой работы. Особенно одного брюнетистого мужчину со взглядом демона-искусителя. Он не принесет ей ничего, кроме новых проблем.

Девушка окинула экраны внимательным взглядом, отмечая отсутствие движения. Если живые объекты где-то и были, то они сознательно укрывались от камер.

– Что входит в мои обязанности? – деловито спросила она.

– Вся запись идет в режиме онлайн. Ваша задача наблюдать. Часть камер расположена внутри дома, часть – на территории возле него. Запретная зона обозначена сенсорами движения, присутствие там персонала лаборатории или военных – строго запрещено. Не вздумайте туда лезть. Все действия наших подопечных фиксируются автоматически, любое отклонение от привычного образа жизни включает тревожную кнопку. Этим моментам вы должны уделить особое внимание. Вот и все, ничего сложного, – закончил Нейман с видимым облегчением.

– А как же моя диссертация? – она ведь ради нее сюда и приехала.

– Займетесь ею чуть позже, когда немного привыкнете.

Нейман поднялся. Нужно сообщить мастеру, что его дочь уже здесь. Генри знал, что Андрулеску не любит ждать, но девушка опоздала, и это сдвинуло время звонка.

– Профессор! – голос Лики заставил его остановиться на пороге. – Вы сказали, у вас три объекта наблюдения. Третий – это ребенок Каховского и Воронцовой?

Нейман окинул ее испытывающим взглядом. Тонкие губы профессора растянулись в усмешке.

– Вы очень внимательны, это похвально.

– Но его показания нетипичны даже для грудного младенца, – заметила девушка, глядя на кардиомонитор.

– Он еще не родился. И да, он весьма нетипичен.

На гладкой поверхности стола лежала россыпь фотографий, сделанных профессионалом. Андрулеску не любил работать с аматорами, знал – профи берегут свой авторитет и не будут им рисковать. Вот и в этот раз Антуану пришлось хорошенько потрудиться, но дело того стоило. Нанятый детектив был человеком, но он понятия не имел, кто ему платит. Да и не сильно интересовался. Сумма, которая была указана в договоре, с лихвой удовлетворила его любопытство.

А вот на фотографиях была Лика. Объектив камеры поймал ее выходящей из отеля сегодня утром. Но не это заста-

вило нервничать главу Химнесса.

Рядом с Ликой на нескольких снимках был запечатлен молодой мужчина. Часть его лица закрывали волосы, часть – темные очки. На одном снимке он стоял, небрежно опираясь о бок черного Гелендвагена, на другом – открывал перед девушкой дверцу машины. И каждый раз его лицо оставалось в тени. Он словно чувствовал, что его снимают, и интуитивно наклонял голову, чтобы не попасть в объектив.

Было в этом незнакомце что-то такое, что заставило Антуана напрячься.

Что-то смутно знакомое в линии его подбородка, в развороте плеч. Он словно видел его уже... где-то... раньше.

Андрулеску поднес одну из фотографий к окну, чтобы рассмотреть внимательнее. На периферии сознания мелькнула мысль: этот парень кого-то напоминает...

Но кого?

Мастер задумался.

Память молчала, не хотела открывать свои тайны. Но инстинкты нашептывали: этот парень опасен. Он не просто так возник рядом с Ликой. Откуда он вообще взялся? Надо позвонить детективу, пусть проверит его.

Запиликал мобильник, оставленный на столе.

Чертыхнувшись, Андрулеску взял трубку.

– Она опоздала, – раздался сухой голос Генри Неймана. – Это верх неуважения...

– Намного? – перебил Андрулеску.

– Минут на двадцать. Вряд ли выговор за опоздание в первый же день – это то, что нужно вашей дочери в начале карьеры.

Антуан умышленно пропустил эти слова мимо ушей. Хотя тон Неймана ему совсем не понравился.

– Объяснила, почему?

– Я не спрашивал. Но охранник сказал, что она была не одна. Ее кто-то подвез на черном Гелендвагене с европейскими номерами.

Губы Андрулеску превратились в сухую полоску.

Гелендваген, значит. Надо разобраться, кто это там такой приткий...

– Ладно, – он сделал себе мысленную пометку. – Это тебя не должно волновать. Лучше придумай, как взять кровь на анализ так, чтобы она ни о чем не догадалась.

– За это не беспокойтесь. Но если ваша дочь будет опаздывать каждый раз, я не смогу с ней работать.

Нейман был достаточно далеко, на другом острове, в сотне милях, под надежной защитой военных. Он мог чувствовать себя защищенным. Мог. Но когда Андрулеску заговорил, у Генри похолодело внутри.

Тихий, свистящий шепот, похожий на шипение змеи, с холодной яростью произнес:

– Ты будешь делать все, что я прикажу. Или забыл, чем мне обязан? Забыл? Так я могу напомнить.

Нажав отбой, Антуан грубо выругался и швырнул телефон

на стол.

В этот раз его не обдурят, пусть не пытаются! А если все же рискнут – эта попытка будет стоить им жизни!

Лика быстро освоилась среди трех десятков экранов и чувствовала себя вполне комфортно в своем новом кресле. Камеры работали бесперебойно, видео транслировалось, в углу обнаружилась кофемашина с запасом «таблеток» для эспresso, а в ящике под пультом – журнал дежурств, который девушка тщательно изучила.

Но стоило увидеть объекты, за которыми велось наблюдение – и все изменилось. Это оказалось сложнее, чем она думала – следить за чужой жизнью. Прошло всего несколько часов, а Лика уже чувствовала себя морально разбитой. Ее не покидало ощущение, что она подглядывает за соседями в замочную скважину.

Старший из объектов – тот самый Каховский – умело уклонялся от вездесущего ока камер. Но пару раз они засняли его крупным планом, и девушку потрясла кошачья грация и мягкость движений, с которой двигался этот крупный, в общем-то, мужчина.

А еще ее привлек его взгляд.

Желто-карие глаза вера с серповидным зрачком смотрели открыто, спокойно, бесстрастно. Ни одно движение ду-

ши не отражалось в них, ни одна эмоция, словно этот человек отгородился от мира ледяным щитом. Но стоило этому взгляду упасть на невысокую блондинку с округлым животиком, говорившим о ее положении, или юркого, худощавого мальчишку пяти-шести лет с непокорно торчащими вихрами, как выражение глаз кардинально менялось. В них появлялось тепло, способное растопить любой лед.

Лике пришлось потрудиться, чтобы понять, как управлять камерами. Ей хотелось рассмотреть блондинку, в которой она признала ту самую русскую журналистку, пропажа которой не на шутку всполошила весь мир несколько месяцев назад.

Ева Воронцова оказалась довольно пухлой, как сдобная пышечка, а беременность придала ей неповторимый шарм. Невольно сравнив себя с ней, Лика почти физически ощутила собственную ущербность. На фоне этой пышнотелой красавицы она почувствовала себя тощим гадким утенком. И снова мелькнула тоскливая мысль: чем она могла привлечь Кирилла?

Запретив себе думать о нем, она переключилась на мальчишка, который, судя по всему, даже не знал, что его снимают. По крайней мере, камер он не боялся и не скрывался от них. Лика решила, что взрослые не сказали ему, чтобы не пугать малыша. Что ж, она могла их понять и не осуждала. Жить под прицелом камер – совсем не то, чего бы она хотела для себя.

В какой-то момент Лика поймала себя на том, что завидует. Завидует этому мальчугану, у которого есть мать и отец. Завидует малышу, который еще не родился, а его уже любят. Завидует этой женщине, ее тихому семейному счастью. Черт возьми, она завидовала им всем, потому что у них было то, чего ни она, ни ее мать никогда не имели. У них был мужчина – муж и отец, готовый за них умереть. На ее глазах разворачивалась история семьи, которая была связана узами более крепкими, чем любовь. Мужчина и женщина казались половинками одного целого, а ребенок – ядром, соединявшим эти половинки. И понимание этого наполняло Лику чувством щемящей тоски.

В голову снова полезли мысли об утреннем инциденте. Письмо отца, откровения Кира, воспоминания о его поцелуе. Лика невольно прикоснулась к губам кончиками пальцев. Взгляд упал на мобильник, лежавший рядом. Сейчас она была бы рада любому звонку... Лишь бы отвлечься от ненужных мыслей.

Она в тайне порадовалась, что камеры не транслируют звук. Так, по крайней мере, можно в любой момент отвернуться и не знать, что происходит на экранах. Слишком уж тяжело оказалось подглядывать за чужим счастьем.

Глава 8

Новость о новой сотруднице облетела базу за считанные минуты, и к обеду в кабинет видеонаблюдения началось настоящее паломничество. Каждые десять-пятнадцать минут дверь открывалась, и в комнату кто-нибудь да заглядывал. В основном это были молодые парни в военной форме, которые с белозубой улыбкой на лицах просили извинить за вторжение – мол, дверью ошиблись. Но Лика прекрасно понимала, что эти ошибки сознательные. Просто всем интересно было посмотреть на новенькую, а заодно и познакомиться с ней.

Лика старательно улыбалась новым знакомым, отвечала на их вопросы. Даже запомнила парочку самых назойливых из них. Через пару часов она уже обзавелась десятком приглашений на ужин, парой букетов, сорванных, судя по всему, на ближайшей клумбе, и кучей комплиментов. Но каждый раз, улыбаясь очередному поклоннику, она ловила себя на том, что сравнивает их с Кириллом.

Как она ни старалась, он не желал покидать ее мысли. Взгляд девушки то и дело возвращался к телефону, и Лика с тоской понимала, что ждет звонка. Она хотела, чтобы Кир позвонил. Спросил, как дела. Предложил подвести после работы в отель. Пригласил на ужин. Чтобы хоть как-то

дал знать, что она ему не безразлична. Что утренний поцелуй и то безумие, к которому он привел, не были случайностью.

Но телефон молчал.

Лика наблюдала за Каховскими, слушала неловкие комплименты парней и чувствовала, как внутри все сжимается от сосущей тоски.

К двум часам вернулся Нейман в сопровождении молодого латиноамериканца в белом халате, наброшенном поверх военной формы. Увидев его, свежеиспеченные кавалеры поспешили покинуть кабинет. Лика не сдержала облегченного вздоха, когда за последним из них захлопнулась дверь.

– Ну, как идут дела? Все нормально? – нагнувшись над девушкой, Нейман заглянул в ближайший экран, на котором был виден Каховский. – Освоилась?

– Да... – Лика обрадовалась ему, как родному.

– Вот и отлично. Познакомься, – он указал на парня, – это мой ассистент Руис Денова. Можешь обращаться к нему по любым вопросам, когда меня нет. А сейчас иди, он покажет тебе нашу столовую. Надеюсь, местная пища придется тебе по вкусу.

Только теперь Лика осознала, что уже давно хочет есть. И что это не душа сжимается от тоски, а пустой желудок от голода. Пять чашек кофе были не в счет.

– Анжелика, – неловко улыбаясь, девушка протянула руку новому знакомому.

– Руис.

Парень казался не старше нее, а его добродушная улыбка вызывала ответную симпатию. Лика поспешила воспользоваться его предложением. Уже выходя, она бросила свой мобильник в карман.

– Здесь недалеко, – сообщил Денова, когда они вышли из кабинета. – Но придется немного прогуляться. Нам предлагали построить крытый переход, но после шестичасового сидения в помещении так хочется вдохнуть свежий воздух.

Но стоило Лике выйти на улицу, как яркое солнце ударило по глазам, привыкшим к искусственному освещению, с яростью световой бомбы. Девушка резко зажмурилась, чувствуя, как выступают слезы. Глаза под веками жгло и резало немилосердно, словно в них насыпали соли.

– Да, с непривычки так у многих бывает, – Руис протянул ей свои солнцезащитные очки. – Здешнее солнце слишком яркое для жителей материка, к нему нужно привыкнуть.

– Спасибо, – Лика поспешно спрятала слезящиеся глаза за темными стеклами. В голову пришла мысль, что нужно обзавестись подобным аксессуаром. Глупо было ехать сюда без солнцезащитных очков.

– Ничего, светочувствительность скоро пройдет, человек быстро ко всему привыкает. У веров с этим намного хуже.

– С чем? – девушка встрепелась. И тут же порадовалась, что темные стекла скрыли выражение ее глаз.

– С адаптацией к яркому свету. Они не любят его, как и прямые солнечные лучи. Предпочитают полумрак или ис-

кусственное освещение. И, кстати, в темноте видят намного лучше, чем на свету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.